

ГУМАНИТАРНЫЙ ТРАКТАТ

научный журнал о гуманитарных науках

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.gumtraktat.ru

ISSN 2500-1159 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

30 сентября 2016 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-378X

УДК 378.001

Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует научные статьи по гуманитарным наукам.

Подробнее на www.gumtraktat.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.:

П.И. Никитин - главный редактор, ответственный за выпуск.

Н.В.Обелюнас - кандидат филологических наук, экс-преподаватель кафедры журналистики и русской литературы 20 века КемГУ, ответственный за финальную модерацию и рецензирование статей.

А.Е. Чурсина – редактор, ответственный за первичную модерацию и рецензирование статей.

С. А. Уталиев – доктор философских наук; Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

С. С. Жубакова - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и самопознания, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева

И. В. Воробьева - кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета.

Е. В. Суровцева - кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

З. М. Мухамедова - доктор философских наук, кафедра социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный стоматологический институт.

А. А. Бейсембаева - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики и психологии Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Х. Б. Норбутаев - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования Термезский государственный университет

Г. М. Сыдыкова - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына

Д.Х. Исламова – доктор философии, Ташкентский государственный технический университет

А.О. Сергеева - ответственный администратор[и др.];

Научный журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат», входящий в состав [«Издательского дома «Плутон»](#), создан с целью популяризации гуманитарных наук.

Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников.

Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Содержание

1. ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ4
Савина Н.В.
2. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛЕПОГЛУХОГО ЧЕЛОВЕКА В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....10
Нагорная Л. А.
3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ В КЫРГЫЗСКОМ И
АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ14
Тургунбаева Б. Ж.
4. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....21
Громова А.В.
5. НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ
МЕСТОИМЕНЕЙ.....24
Никифорова А.И.
6. ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И АВТОРСКИХ
ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СЕРИИ РОМАНОВ ДЖ.К. РОУЛИНГ О ГАРРИ
ПОТТЕРЕ.....30
Гайдук Т.В.
7. «ПАЛЫ» П.П. ЕРШОВА: АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ.....35
Пятков С.С.
8. ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ В ЭПОСЕ “МАНАС”.....40
Акматов Н. Р.

Савина Н.В.

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО Омский государственный педагогический университет

tata1990@inbox.ru

УДК 172.15

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос гражданско-патриотического воспитания, рассмотрена законодательная база по этому вопросу.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, студенты, государственный заказ, патриотизм.

Abstract: In the article the question of civil and patriotic education, reviewed the legal framework on this issue.

Keywords: civil-patriotic education, students, the public order, patriotism.

Современное состояние проблемы гражданско-патриотического воспитания вызывает достаточно много вопросов. С одной стороны, это направление воспитательной работы в образовательных организациях было всегда и не нуждается в подтверждении своей актуальности. С другой стороны, оно зависит от проводимой государством политики, от экономического, культурного состояния страны, от развития образовательной практики и др. В течение нескольких десятилетий в нашей стране было написано множество научных и методических работ по этой теме. Менялись цели, содержание этого вида воспитания; рассматривалось патриотическое воспитание отдельно от гражданского, иногда вместе; уделялось особое внимание молодежи, затем стали говорить о необходимости воспитания детей дошкольного возраста. Сегодня изменились реалии, связанные с геополитическими и национальными проблемами, в связи с международной нестабильностью возникла очевидность новой «холодной войны», наметилась устойчивая тенденция к изоляции и дискредитации РФ в мире. Экономическое развитие страны, особенно ее отдельных регионов, снижает уровень патриотизма относительно «малой Родины», у молодежи возникает осознание, что Родина – это там, где лучше живется, прежде всего, с экономической стороны. Наблюдается отток жителей из регионов в крупные города Центрального федерального округа. Развитие системы Интернет позволяет проанализировать настроения молодежи, в том числе студенчества, по этой теме при обсуждении на различных форумах, площадках. Необходимо уточнить, что с принятием законов, направленных на противодействия экстремизму, возможности отследить местоположение авторов, высказывания в социальных сетях по вопросам политического и экономического развития страны стали более мягкими, но далеко не однозначными.

Отсюда возникает потребность в активных действиях со стороны государственных и социальных институтов, в пересмотре научно-методических основ гражданско-патриотического воспитания, в разработке актуальных и понятных для молодежи технологий воспитательной работы.

На заседании круглого стола на тему «Опыт субъектов Российской Федерации по военно-патриотическому воспитанию молодежи», состоявшегося в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 21 мая 2015 года обсуждались актуальные проблемы государственной политики в области патриотического воспитания молодежи. Среди них были озвучены: организационные проблемы; недостаточная эффективность осуществления воспитательной функции образовательными организациями и отсутствие эффективных механизмов контроля в области патриотического воспитания; отставание

содержания документов стратегического планирования и нормативных правовых актов по вопросам государственной политики в области патриотического воспитания от реального состояния российского общества, потребностей общества и государства в этой сфере; значительные изменения в международной обстановке, вызвавшие появление новых угроз для российского общества и государства. На федеральном уровне в последнее время был принят ряд стратегических документов в этой сфере, где прослеживается основная мысль – воспитание всех слоев населения при сохранении приоритета детей и молодежи.

В Законе «Об образовании в Российской Федерации» в Статье 3. Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования указано: «1. Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах:...3) гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, *гражданственности, патриотизма*, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования» [13].

Согласно Концепции патриотического воспитания граждан РФ, целью гражданско-патриотического воспитания является развитие в российском обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности, становление граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в созидательном процессе в интересах Отечества, укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития [3].

В проекте Закона «**О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации**» целью патриотического воспитания признается систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [7].

К числу других законодательных документов, ориентирующих и регулирующих гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи относятся: Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, регулярно принимаемые пятилетние Программы патриотического воспитания граждан РФ (последняя была принята 30.12.2015 г. на период 2016-2020 гг.) и др. Отдельно нужно отметить Конституцию РФ, где вся преамбула – это манифест патриотизма и гражданственности.

В РФ созданы организации, которые реализуют этот вид деятельности: Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр) является подведомственным учреждением Федерального агентства по делам молодежи; Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) — единственный профильный общенациональный орган государственной власти, деятельность которого целиком сосредоточена на развитии молодых граждан России; Российский студенческий центр при Министерстве образования и науки РФ. Всего в России на конец 2015 г. действуют 22000 патриотических объединений, клубов и центров [1]. На региональном уровне – это межведомственные советы по патриотическому воспитанию (в частности, в Омской области с 2007 г.). Всего в Омской области на начало 2016 г. действуют 38 НКО (некоммерческих организаций), цель которых – гражданско-патриотическое воспитание населения.

К отдельным задачам Государственной программы патриотического воспитания граждан РФ на 2016 – 2020 гг. относятся: «вовлечение молодых ученых и преподавателей в развитие научно-методической базы патриотического воспитания; совершенствование системы подготовки специалистов и повышение их квалификации в области патриотического воспитания» [1,с.6].

Отдельно отметим, что в Федеральных государственных стандартах (ФГОС) дошкольного образования, начального общего образования, основного общего образования, среднего общего образования в первых строках, как приоритеты, указаны ориентиры и цели - формирование российской гражданской идентичности обучающихся; в портрете выпускника на первом месте в списке качеств: любящий свой край и свою Родину [11]. Возникает вопрос: как готовят будущих педагогов в вузе для реализации ФГОС в этом направлении?

Новый Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования, принятый в 2016 г., ставит первой целью развитие личностных качеств гражданина-патриота. В нем же, п.4.5: «Одной из ведущих задач воспитания является формирование у молодёжи патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности служить Родине в выбранной профессиональной сфере, к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите Родины. Особое внимание в системе воспитательной деятельности уделяется работе с государственной символикой РФ, участием обучающихся в государственных праздниках (День России, День народного единства и др.), памятных для россиян культурно-исторических событиях» [9, с.3].

Однако в ФГОС высшего образования 44.03.01 – Педагогическое образование, 2015 г. таких конкретных ориентиров нет. Косвенно это можно увидеть через общекультурную компетенцию ОК-2: способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития для формирования патриотизма и гражданской позиции [6]. Но это вносит вклад только в когнитивный компонент гражданско-патриотической компетентности студента. Видим, что будущих педагогов образовательный стандарт не готовит напрямую к деятельности по воспитанию гражданственности и патриотизма. Можно ориентироваться в этом вопросе только на Стандарт организации воспитательной деятельности. Но воспитательная деятельность и сегодня еще ассоциируется с деятельностью внеучебной, что прослеживается в ежегодных отчетах вузов, которые находятся в свободном доступе на официальных сайтах образовательных организаций. А по Закону «Об Образовании в РФ» обучающиеся имеют право на посещение по своему выбору мероприятий, которые проводятся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, и не предусмотрены учебным планом (Статья 34, п.4). Поэтому логично предположить, что часть студентов, не охваченных внеаудиторной воспитательной работой, не будут должным образом подготовлены к воспитанию гражданственности и патриотизма у своих будущих учеников.

Отсюда мы выходим на проблему, каким образом должно быть организовано гражданско-патриотическое воспитание (воспитание гражданского патриотизма) в современном вузе? Остановимся коротко на основных понятиях, не претендуя в рамках этой статьи выделить окончательный вариант их трактовки.

Анализ понятия «патриотизм» позволяет определить его содержание, которое включает чувство привязанности к местам, где человек родился и вырос; уважительное отношение к родному языку; сознание долга перед Родиной, отстаивание ее чести и достоинства, свободы и независимости; сохранение верности Родине; гордость за социальные и культурные и другие достижения своей страны; гордость за свое Отечество, за символы государства, за свой народ; уважительное отношение к историческому прошлому Родины, своего народа, его обычаям и традициям; ответственность за судьбу Родины и своего народа, их будущее, выраженное в стремлении посвящать свой труд, способствовать укреплению силы и развитию страны; гуманизм, милосердие, общечеловеческие ценности.

В Проекте Закона «**О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации**» патриотизм – «это любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. Это сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой

приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества» [7,с.1].

У понятия «гражданственность» также есть несколько устоявшихся определений:

- нравственная позиция, выражающаяся в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским коллективом, к которому он принадлежит, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств его права и интересы;
- качество, свойство поведения человека, гражданина, проявляющееся в его готовности и способности активно участвовать в делах общества и государства, сознательно пользоваться своими правами, свободами и выполнять свои обязанности;
- антипод аполитичности, активная и сознательная включенность в дела политического сообщества; психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества; способность и готовность выступать в роли гражданина; высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; приверженность интересам политического сообщества, чаще всего государства, готовность идти на жертвы ради этих интересов;
- правовая ответственность, активная гражданская позиция, понимание высоких нравственных ориентиров.

Гражданское воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Когда говорят отдельно о патриотизме, и отдельно о гражданственности, имеют в виду их отличия. Конечно, они есть. Отличием гражданственности от патриотизма является то, что гражданственность – правовой статус человека, показывающий наличие прав, свобод и обязанностей, закрепленных законодательно, а патриотизм – чаще всего определяется как чувство, отношение. Патриотизм не зависит от стиля управления государством, а гражданственность характерна только для демократической формы правления. Гражданственность неотделима от преданности своей стране - патриотизма. Но если патриотизм уже только любовь к своей стране, то гражданственность – выполнение обязанностей, конкретные дела на благо Родины. Патриотизм без гражданственности, в принципе, может быть, а вот гражданственности без патриотизма не бывает. Часто говорят, что гражданственность является высшей формой патриотизма, что, на наш взгляд очень верно. Если человек ведет себя как гражданин (соблюдает законы и т.п.), но негативно относится к Родине, стране, то такую гражданственность можно назвать «ложной». К сожалению, этот тип поведения можно наблюдать у части современной молодежи, которая таким образом защищается от возможного осуждения своей позиции.

Из определения понятий можно сделать вывод, что патриотизм и гражданственность предполагают взаимосвязанную совокупность нравственных чувств и черт поведения. Следовательно, гражданско-патриотическое воспитание – это воспитание гражданина и патриота, который проявляет высокую социальную активность, гражданскую ответственность, обладает позитивными ценностями и качествами, а также способен проявить их в интересах Отечества.

Такую же связь видим в цели Государственной программы патриотического воспитания граждан РФ: «Повышение гражданской ответственности за судьбу страны. Консолидация общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации. Укрепление чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России. Обеспечение преемственности поколений россиян. Воспитание гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию» [1,с.5]. То есть, патриотическая программа реализуется через воспитание гражданина.

Научное обоснование необходимости объединения двух важнейших направлений воспитания в единое целое высказывает известный идеолог профессор В. И. Лутовинов. По его утверждению, «главный парадокс... в том, что игнорируется диалектическое единство, неразрывность главных составляющих гражданско-патриотического воспитания, которые рассматриваются сами по себе, в отрыве друг от друга, а нередко – в ущерб и противоположность друг другу» [4]. Мы разделяем эту позицию и считаем, что она должна быть основой при проектировании воспитания *гражданского патриотизма* студентов. Именно такой термин нам представляется наиболее верным, хотя и используемым в качестве синонима. Поэтому организация воспитания студентов в вузе должна реализовывать воспитание гражданственности и патриотизма в неразрывном единстве. Наличие в планах воспитательной работы вуза раздела «Гражданское воспитание» и/или «Патриотическое воспитание» показывает недостаточно точное понимание целей современного воспитания.

Еще одно важное замечание. Выделение этих видов воспитания в программных документах вузов крайне спорно, даже если они выделены в единстве – гражданско-патриотическое воспитание. Таким образом, полагают, что студенты становятся гражданами и патриотами, только участвуя в мероприятиях, обозначенных в этом разделе. Но мероприятия духовно-нравственного, физического, экологического и других видов воспитания не могут быть непатриотичными. Этому же мнению придерживается Министр образования РФ, которое он высказал в эфире радиостанции «Коммерсантъ FM» в апреле 2016 г., отрицая необходимость введения в школе специальных уроков патриотизма: «Мы исходим из того, что, конечно, задача школы - воспитывать личностей, дать каждому ребенку то, что необходимо для его становления как члена общества, и, безусловно, патриотическое воспитание как любовь к своей родине, большой и малой, знание родной истории, уважение к культуре - это неотъемлемая часть этой работы», - пояснил Дмитрий Ливанов [11]. То есть и патриотическое, и гражданское воспитание – это и есть все воспитание в принципе. Здесь уместно привести знаменитые слова Президента РФ В. Путина: «У нас нет никакой, и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея».

Заключая обзор и анализ нормативных документов, трактовок понятий, некоторых аспектов практического реализации воспитания гражданского патриотизма студентов, сделаем выводы.

1. Состояние гражданско-патриотического воспитания студентов вуза требует переосмысления системы его организации.

2. Необходимо рассматривать это направление воспитания без деления на гражданское и патриотическое.

3. В государственных образовательных организациях не может быть никакого другого воспитания, кроме воспитания гражданского патриотизма, т.е. другие традиционные виды/направления воспитательной деятельности должны быть «встроены» в систему гражданско-патриотического воспитания.

4. Особенное внимание этому следует уделить в педагогических вузах, т.к. они готовят будущих специалистов по воспитанию гражданского патриотизма у всех слоев населения России, прежде всего – детей и молодежи.

5. Цели и задачи воспитания в вузах должны соответствовать целям и задачам федеральных организаций, которые наделены правами исполнителей в программах гражданско-патриотического воспитания граждан РФ (Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, Федеральное агентство по делам молодежи, ДОСААФ России и др.).

Библиографический список:

1. Государственная программа патриотического воспитания граждан РФ. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/ В.И.Даль. - М.: Русский язык. 1989. 442 с.
3. Концепция патриотического воспитания граждан РФ. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gospatriotprogramma.ru/>
4. Лутовинов В.И. Гражданско-патриотическое воспитание сегодня // Педагогика. 2006. №5. С.52-59.
5. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/>
6. Приказ Минобрнауки России от 04.12.2015 N 1426 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата)». - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_192459/1f1fff4f7f64c42eca7cc2e9194ee0faf42cf21c/
7. Проект Закона «О патриотическом воспитании граждан Российской Федерации». - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gvardiyaotechstva.ru/zakon/>
8. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НМЦ СПО. С.М. Вишнякова. 1999.
9. Стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://uspu.ru/novosti/item/2798-utverzhden-standart-organizatsii-vospitatelnoj-deyatelnosti-obrazovatelnykh-organizatsij-vysshego-obrazovaniya.html>
10. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=180402&fld=134&dst=100009&rnd=214990.2304445430636406&>
11. Учительская газета. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ug.ru/news/18135>
12. Федеральные государственные образовательные стандарты дошкольного образования, начального общего образования, основного общего образования, среднего общего образования. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы?keywords=114>
13. Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации». - [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2974>

Нагорная Л. А.

доцент кафедры глобалистики и геополитики
Сибирского федерального университета (г. Красноярск),
кандидат философских наук, б/з
poty-lyubov@yandex.ru

УДК 159.9.07

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛЕПОГЛУХОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос познавательных возможностей слепоглухого человека, описан механизм восприятия и мышления, исключая зрительные образы, рассмотрены сложности восприятия в современном мире, рассмотрено положительное влияние тенденций современного общества на возможности восприятия слепоглухого человека.

Ключевые слова: слепоглухой человек, восприятие, ощущения, зрительные образы, возможности, инвалиды.

Abstract: The paper deals with the capability to cognitive deafblind person is described a mechanism of perception and thinking, excluding visual images, consider the complexity of perception in the modern world, is considered a positive impact on the trends of modern society possible perception of a blind and deaf person.

Keywords: deaf and blind people, perceptions, sensations, visual images, chances are disabled.

Телесность современного человека испытывает на себе воздействие огромного количества повреждающих факторов (генетических, экологических, экономических, социально-политических, информационных, психологических и т. д.), вместе с тем к телесности современного человека предъявляются довольно высокие требования. В частности, информационное общество предъявляет все более высокие требования к ментальной составляющей человеческой телесности (напомним, что в современной психолого-философской литературе понятие «телесность» призвано преодолеть противопоставление между телесно-физическими и интеллектуальными, духовными качествами человека).

Сущность процесса познания человеком мира и самого себя по-прежнему таит в себе массу загадок, однозначных ответов на которые пока нет ни в одной науке, предметом изучения которой в той или иной степени является процесс познания. При этом большинство ученых признает неразрывную связь физического и ментального. Так, Е. Князева отмечает, что «познание человека телесно, или «отелеснено», воплощено, детерминировано телесной обличенностью человека, обусловлено мезокосмически выработанными способностями человеческого тела видеть, слышать, ощущать. То, что познается и как познается, зависит от строения тела и его конкретных функциональных особенностей, способностей восприятия и движения в пространстве, от мезокосмической определенности человека как земного существа. Устроено по-разному – значит, познает мир по-разному» [3, 32].

В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, посвященные изучению познавательных возможностей людей с искаленной (поврежденной) телесностью. В первую очередь, речь идет об изучении познавательных возможностей

людей, развивающихся в ситуации неполноценной работы одного или нескольких анализаторов, а также в ситуации нарушения способности к когнитивной переработке информации. Такие исследования необходимы для дальнейшего совершенствования условий социализации людей с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, изучение особенностей процесса познания людей с физическими и интеллектуальными недостатками развития может способствовать более глубокому постижению сущности процесса познания человека без нарушений развития, что имеет немаловажное значение для гносеологии и смежных с ней отраслей знания.

В ряде предыдущих работ автором данной статьи под тем или иным углом зрения рассматривался, в частности, вопрос об особенностях постижения мира и самих себя людьми, имеющими один из самых сложных вариантов повреждения телесности, а именно – сочетанное нарушение зрения и слуха [6; 5]. Очевидно, что глубокое нарушение двух основных источников информации приводит к резкому ограничению путей познанию окружающего мира. Согласно Л. М. Веккеру, «работу мысли обеспечивают три “языка” переработки информации: знаково-словесный, образно-пространственный и тактильно-кинестетический» [2, 84]. Не вызывает сомнений, что для слепоглухого человека ведущим «языком» является тактильно-кинестетический.

Еще в начале XIX в. специалисты считали, что слепоглухие дети в силу своего дефекта не способны к развитию и обречены на полную изоляцию. Первое успешное обучение слепоглухой девочки, Лоры Бриджмент, было осуществлено только в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. в США под руководством врача и педагога С. Г. Хоува [4, 27]. Но и после первых удачных попыток обучения слепоглухих долгое время преобладало мнение о невозможности развития таких людей до уровня нормального человека. Успехи обучения отдельных слепоглухих объявлялись особыми, выдающимися случаями, которые объяснялись сверхгениальностью учеников [Там же, 28]. На сегодняшний день учеными уже доказано, что в специальных условиях у всех слепоглухих лиц, не имеющих тотального повреждения коры головного мозга, возможно формирование довольно высокого уровня сознания и самосознания.

Вместе с тем, познавательные возможности слепоглухих лиц в ситуации спонтанного (т. е. специальным образом не организованного) развития, действительно, крайне ограничены. Практически все авторы, наблюдавшие и описавшие слепоглухих детей до начала специального обучения характеризуют их как «совершенно беспомощных и лишенных способности человеческого поведения и мышления» [Там же, 67]. Тем не менее, и в ситуации спонтанного развития слепоглухой ребенок имеет возможность к своеобразной мыслительной деятельности. Очевидно, что у такого ребенка имеются определенные мыслительные процессы, состоящие из совокупности тактильных, обонятельных, вкусовых образов, а также образов, формирующихся на основе внутренних ощущений собственного тела. Кроме того, мыслительная деятельность слепоглухого ребенка в ситуации спонтанного развития проявляется и в том, что, установив определенную связь между действиями окружающих людей и удовлетворением своих естественных потребностей, такой ребенок при помощи самобытных жестов пытается взаимодействовать с окружающими, которые, как правило, его не понимают. Ученые выяснили, что в процессе обучения, слепоглухой ребенок начинает вспоминать и самостоятельно описывать целые ситуации из своей жизни до начала специального обучения [8, 84]. Это подтверждает психолингвистическое положение, согласно которому, «содержание будущего высказывания конструируется раньше формы его выражения в речи, а оригинальная мысль оповещает о себе до того, как наступает ее первичное словесное оформление» [1, 71].

Успешное обучение каждого слепоглухого ребенка, имеющего сохранный интеллект, стало возможным в первой половине XX в. с появлением в СССР методики И. А. Соколянского. В основе методики лежало понимание того, что путь очеловечивания слепоглухого ребенка должен осуществляться не от языка и сознания (как считалось до

этого), а от построения реальных человеческих отношений к действительности и возникающего на этой основе общения к овладению человеческим языком и к человеческому сознанию [4]. Отмечалось, что «речь», не опираясь на систему непосредственного (образного) отражения окружающего мира, повисает в воздухе и не может служить основой психического развития ребенка [Там же, 72]. Именно «предметное поведение» (т. е. «обращение с предметами согласно их логике») «составляет сущность человеческого поведения» [Там же, 73]. «Овладевая вещью, т. е. обучаясь посредством ее удовлетворять свои потребности, ребенок усваивает (и присваивает) ее общественное значение, превращая его в свой личностный смысл» [Там же, 300]. Необходимость овладения орудием деятельности порождает в ребенке потребность в познавательной деятельности, так как «для того, чтобы правильно использовать орудие, ребенок должен его знать» [Там же, 303]. Появление познавательной потребности у слепоглохого ребенка является важным условием дальнейшего постижения им мира.

Вместе с тем процесс познания и результат процесса познания включенного в общественные отношения и имеющего развитое словесно-логическое мышление слепоглохого человека всегда будет сильно отличаться от таковых у людей с *полноценной* (не поврежденной) телесностью и людей с другими видами повреждения телесности.

Ведущую роль в процессе познания слепоглохого человека играет иная совокупность органов чувств. В его сознании отсутствуют (либо представлены только как воспоминания) зрительные и слуховые образы. В основе процесса познания и формирования сознания слепоглохого человека лежат в первую очередь тактильно-кинестетические, обонятельные, вкусовые ощущения. Предположим, что от рождения слепоглохой человек когда-то плавал в море, а потом, читая книгу, встретил в тексте слово «море». В его сознании не возникнет зрительного образа моря: берега, воды определенного цвета, волн, горизонта, не возникнет и слуховых образов связанных с морем: шума волн, криков чаек и т. д. Для него морем будет воспоминание об ощущениях от хождения по песку (или камням), от нахождения тела в воде, об определенном запахе морского воздуха и соленом вкусе морской воды, об ощущениях от попадания капель воды на лицо и т. д. Одна из первых учениц И. А. Соколянского О. И. Схороходова о сложности слепоглохих «разговаривать на языке зрячеслышащих» высказалась следующим образом: «одно дело – ощутить, воспринять, “осмотреть” руками предмет, это не так сложно. Гораздо труднее описать этот предмет своими словами совершенно так, как я его воспринимаю, то есть дать образ этого предмета. Когда слепые и глухонемые описывают свои ощущения, восприятия, представления языком зрячих, то надо всегда помнить, что ощущают они иными органами чувств, хотя описывают их словами зрячих и слышащих» [7, 25].

А. В. Суворов (доктор психологических наук, потерявший зрение и слух в раннем детстве), отмечает, что слепоглохому человеку для того, чтобы чувствовать себя «разумным существом» необходима компенсация живого общения, которое не всегда возможно, за счет «духовных консервов» (в первую очередь, книг) и собственного, востребованного в обществе, творчества в сколько-нибудь доступных областях [10]. Далее ученый отмечает, что в современном мире соблюдение этих условий становится все более реальным, благодаря новейшим компьютерным технологиям [9].

Таким образом, современное общество с одной стороны зачастую негативно воздействует на телесность слепоглохого человека, повреждая ее еще больше, требует от слепоглохого человека повышенной познавательной активности, с другой – потенциально способно создать слепоглохому человеку более совершенные условия для познания окружающего мира и презентации себя в этом мире.

Библиографический список:

1. Абрамова Н. Т. Являются ли несловесные акты мышлением? / Н. Т. Абрамова //

Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 68–82.

2. Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски / Х. Й. Зандкюлер // Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 81–89.

3. Князева Е. Телесная природа сознания / Е. Князева // Телесность как эпистемологический феномен [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И. А. Бескова. – М. : ИФРАН, 2009. – 231 с. – С. 31–54.

4. Мещеряков А. И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения / А. И. Мещеряков. – М. : «Педагогика», 1974. – 328 с.

5. Нагорная Л. А. Социализация человека с ограниченными возможностями развития: прошлое, настоящее, сценарии будущего: монография / Л. А. Нагорная, Н. Н. Нагорный. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 422 с.

6. Потылицына Л. А. Особенности построения образа мира у слепоглухонемых лиц / Л. А. Потылицына // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева, выпуск 5 (12). – Красноярск, 2006. – С. 206–211.

7. Скороходова О. И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / О. И. Скороходова. – М. : Педагогика, 1990. – 416 с.

8. Соколянский И. А. Обучение слепоглухонемых детей / И. А. Соколянский // Дефектология. – 1989. – № 2. – С. 75–84.

9. Суворов А. В. Жизнь и выживание / А. В. Суворов // URL: <http://www.asuvorov.narod.ru>

10. Суворов А. В. Человечность как фактор саморазвития личности : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / А. В. Суворов. – М., 1996.

Бактыгуль Джеенмырзаевна Тургунбаева
старший преподаватель факультета иностранных языков
Ошского государственного университета,
г. Ош, Кыргызская Республика

УДК 811

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация: В данной статье делается попытка анализировать валентность и сочетаемости глаголов в кыргызском и английском языках.

Ключевые слова: коллокация, валентность, ядро, адьюнкт, согласование, управление, примыкание.

Annotation: The article analyses the valency and collocations verbs in Kyrgyz and English languages.

Key words: collocation, valency, kernel, adjunct, agreement, government and parataxis.

Учение о словосочетании издавна привлекало внимание кыргызских и английских лингвистов. В их трудах накоплен богатый материал, разъясняющий всю совокупность сложных вопросов, связанных с исследованием этого типа синтаксических отношений.

В кыргызском и английском языках глагольные словосочетания являются одним из самых продуктивных и широко распространенных типов словосочетаний. Глагольные словосочетания занимают особое место в теории и практике преподавания, так как в глаголе, более чем в какой-либо другой части речи, наблюдается многообразие форм словосочетаний взаимозависимость значения глагола и структуры словосочетания. “В кыргызском языке глагольные словосочетания являются один из самых активных типов словосочетаний, так как с глаголами свободно могут сочетаться все именные части речи, подражательные слова, наречия, деепричастия и скованные сочетания со служебными словами” [4, с. 12.].

Конец 19 века и особенно начало 20 века знаменуют собой возникновение подлинно научной теории словосочетания, связанной с именами таких выдающихся ученых, как Ф.Ф.Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Л. Блумфилд, С.Г. Тер-Минасова, Л. С Бархударов, А. Жапаров, А. Турсунов и др.

Еще в 30-х годах нашего столетия Г. Палмер разработал систему моделей глагольных словосочетаний и выделил 27 глагольных моделей, которые он считал необходимым ввести в словарную статью соответствующий номер модели наряду с ее обобщенным вербальным обозначением. [1, с. 75.]

А. Хорнби использует тот же принцип моделирования глагольных словосочетаний. [6, с. 21-121.]

Система глагольных моделей, разработанная Р.С. Гинзбург, отличается от системы разработанной Г. Палмером и А. Хорнби, прежде всего тем, что сами модели выделяются на уровне классов слов- частей речи. Модели представляют в обобщенном виде структуру словосочетаний, в котором используются глаголы современного английского языка. В основу разработанного ею набора моделей положены два критерия: 1) обусловленность значения глагола структурой словосочетания, 2) регулярность употребления глагола в

данном значении в словосочетании, имеющим данную структуру. Автором было выделено 22 моделей глагольных словосочетаний [7, 1979]

Учение о словосочетаниях в кыргызском языке развивалось очень поздно и медленно. Впервые в 1955 году А. Джапаровым была защищена кандидатская диссертация по теме “Анализ общей грамматической структуры словосочетаний в современном кыргызском литературном языке“ За ним Дж. Андабекова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную описанию одного из частных его вопросов -именному словосочетанию с опорными словами, выраженными именами существительными. А в 1991 году А. Турсунов успешно защитил докторскую диссертацию на тему: ”Глагольные словосочетания в кыргызском языке”. Э. Абдулдаев, А. Жапаров, Б. Орузбаева, А. Турсунов и другие кыргызоведы в школьных учебниках по кыргызскому языку только с1968 года начали ввести краткие сведения о словосочетаниях. А. Турсунов утверждает, что словосочетание – это семантико-синтаксическое соединение двух или более полнозначных слов, связанных подчинительной связью и выражающее отношения между обозначенными его компонентами понятиями [4, с.11]. Обратив внимание на вышеуказанные данные, мы уверены, что особенности глагольных словосочетаний в кыргызском языке - один из материалов, нуждающихся в исследованиях, что и становится основной целью данной статьи.

Профессор А.Т.Турсунов предлагает классифицировать глагольные компоненты, глагольные словосочетания делятся на три основные группы: 1. с примыкаемыми словами; 2. с управляемыми именами 3. со служебными словами а) послелогоми, б) служебными именами. В свою очередь каждая из этих групп в зависимости от того, какой частью выражены подчиненные компоненты и какими формами они связаны, делятся на ряд подгрупп. Классификация глагольных словосочетаний на основе вышеуказанных принципов дает возможность выявить синтаксические свойства глаголов, их сочетаемость с различными частями речи, определить типы синтаксической связи, характерные для глагольных словосочетаний, установить их структурные типы и грамматические отношения между глаголом и зависимым компонентом [4, с. 13].

По своей структуре и возможностям сочетаемости компонентов выраженных той или иной частью речи, ядерные словосочетания с глагольным ядром весьма разнообразны. Все основные способы синтаксического подчинения: форма слова, служебные слова(предлоги), порядок расположения элементов используется в глагольных словосочетаниях.

Как было указано выше, в английском языке в препозиции к глаголу могут свободно употребляться только наречия. Например: slowly running – running slowly. Предложные наречия- down, in, out, off и д.р, вообще не могут употребляться в препозиции к глаголу.

Следует отметить, что в рассматриваемых языках расположение компонентов объектных словосочетаний разное. В кыргызском языке зависимый компонент словосочетания предшествует ядерному слову, а в английском зависимый компонент находится в постпозиции к ядерному слову.

Каждая группа в зависимости от того, какой частью речи выражены подчиненные компоненты и какими формами они связаны, делятся на несколько подгрупп. Например: глагольные словосочетания с управляемыми именами подразделяются на подгруппы: словосочетания с именами в винительном падеже, с именами в исходном падеже и т.д. Классификация глагольных словосочетаний на основе вышеуказанных принципов дает возможность выявить синтаксические свойства глаголов, их сочетаемость с различными частями речи, определить типы синтаксической связи, характерные для глагольных словосочетаний, установить их структурные типы и грамматические отношения между глаголом и зависимым компонентом [4, с.12-13].

Таким образом, классификация глагольных словосочетаний зависит от классификации самих глаголов-ядер словосочетаний. Именно принадлежности глагола к

тому или иному грамматическому подклассу и определяют структурные особенности словосочетания, в котором данный глагол является ядром [1, с.77].

В основе классификации глагольных словосочетаний глаголы делятся на переходные и непереходных. Переходность и непереходность глаголов является один из самых ярких валентностных характеристик английского глагола. Великий ученый А. И. Смирницкий рассматривал переходность как категорию грамматическую, зависящую от способности глагольной лексемы к беспредложному управлению. [2, с. 34].

По мнению ученого И.В.Ивановой в английском языке есть очень небольшое количество переходных или полностью непереходных глаголов. Глаголы в английском языке почти утратили закрепленную характеристику переходности и непереходности, она практически превратилась в синтаксическую сочетаемость глагола. [1, с.75]. В английском языке переходность не закреплена за отдельным глаголом, а обусловлена синтаксической конструкцией.

А в кыргызском языке переходные глаголы сочетаются с различными лексико-грамматическими разрядами слов и как в английском языке образуют словосочетания с объектными отношениями. В таких словосочетаниях, если исходить из числа распространителей, детерминируемых глаголом, в кыргызском языке глаголы бывают также одно, двух и более валентными.

Учитывая морфологический состав (простые, сложные и многосоставные глагольные словосочетания) и синтаксические связи (примыкание, управление, соподчинение), профессор А.Турсунов предложил **121 моделей** глагольных словосочетаний. [5., сс.290-295].

По мнению ученого Ч. К. Наймановой в глагольных словосочетаниях выражаются объектные отношения указывающие на различный характер направленности действия, на предмет (прямой или косвенной объект), либо на обратную направленность прямого или косвенного объекта на психо- физическое восприятие субъекта. При этом переходное действие, выражаемое глаголом переходной семантики, конкретизируется, определяется зависимым объектом. Следовательно, объектные отношения обнаруживают органическое единство со смысловыми (лексико-семантическими) отношениями сочетающихся имени и переходного глагола. [1с.,78]. Профессор, Ч. К. Найманова изучив валентность глаголов в английском, кыргызском и русском языках выделяла 14 моделей валентность глаголов. [1 с., 26.].

Согласно с мнениями выше указанных лингвистов, мы можем сказать, что глагольно-объектные словосочетания играет огромную роль по употреблению и по своей структуре. Объектное словосочетание это синтаксическое сочетаемость глагола с определенными знаменательными словами. Оно имеет двучленную и многочленную структуру и номинативную функцию. Как и другие словосочетания, объектные словосочетания в кыргызском и английском языках являются строительным материалом для предложения.

Таким образом, как словосочетание глагол сочетается с другими словами и обладает объектной валентностью. По своей семантике и структуре объектная валентность глагольных словосочетаний очень многообразно и дается множеством моделей. Структура словосочетаний, зависит от синтаксической валентности и семантики ядерного слова.

Объектное словосочетание может быть двучленным или трехчленным в зависимости от валентности переходного глагола. Если глагол одновалентный, то объектное словосочетание представляет собой двучлен, если глагол двухвалентный, то, объектное словосочетание представляет собой трехчлен.

В английском языке основной синтаксической связью в глагольных объектных словосочетаниях является примыкание, а в кыргызском языке – управление и примыкание.

В выше рассматриваемых языках валентность глагола может быть представлено множеством моделей, в зависимости от его лексико-грамматических категорий.

Как результат данной исследований мы решили рассмотреть некоторые модели глагольных словосочетаний в сопоставляемых языках.

1. Модель **Verb+Adverb** (глагол+наречие) –(этиш+ тактооч):

В английском языке в препозиции к глаголу могут свободно употребляться только наречия. В основном, наречия занимают постпозиции к глаголу.

Например: 1. I got down the book, and read all I came to read; I **idly turned** the leaves, and began to indolently study diseases, generally. (p. 10).

1. We **smiled sadly** at one another ... (p15).

В английском языке сочетаемость с наречием, характеризующим образ действия, является показателем полнознаменательного глагола как морфологического класса слов, так как связочные глаголы этим типом сочетаемости не обладают. Синтаксическая связь-примыкание.

А в кыргызском языке глагол и наречие сочетаются по способу примыкания и наречие занимает препозицию по отношению к ядерному глаголу.

Например: катуу ырдоо, тез жүрүү, түз жүрүү, алдыга басуу.

1. – Айдай берсин, аны эмне карышкыр жейт беле!- деп, тиги чоң арабакчтерди туурап, **чырт түкүрүп**, камчыны сүйрөй, **жайбаракат теңселип бастым**. (p.10).

2. Айыл арасындагы жигиттер, өзгөчө фронттон кайтып келгендер Жамийлага кызыгып, тийишип жүргөндөрүн **алда нече байкагам**.

2. Модель **Verb+ Pronoun**. (глагол+ местоимение), (этиш+ат атооч)

В английском языке в этом типе словосочетаний личное местоимение стоит в объектном падеже: to tell him, to see her, to help them.

Например: 1. I **felt my** pulse. (p.12).

1. And they didn't **give me** pills; they **gave me** clums on the side of the head. (p.15.).

А в кыргызском языке адьюнкт (личные, определительные, собственные, указательные, вопросительные (ким, эмне) местоимения, соотносительный с именами существительными, может стоять в форме любого косвенного падежа и сочетаться с ядерным глаголом способом управления. Адьюнкт, выраженный вопросительными местоимениями, соотносительные с прилагательными, наречиями, числительными (кандай, кандайча, нече), сочетается с ядерным глаголом путем примыкания.

1. – **сеники-меники дебей** эки үйдү тең адилеттүү башкарып, айылдагы эски нускалуу, кадырман байбичелердин бири.

2. – Э, Сейит, сен **кандай дейсиң**. (p.9).

3. Модель **Verb+Numerals**. (глагол + числительное), (этиш+ сан атооч)

В английском языке в данных словосочетаниях адьюнкт (числительное) стоит в общем падеже и сочетается в рассматриваемых языках по способу примыкания: *to run first – бежать первым- биринчи болуп чуркоо, to write twice-эки жолу жазуу- писать два раза.*

Например: 1. I thought you wanted **to get up at six**. (p. 64).

2. The last man **went on twenty** yards further further, then got out on his head. (p. 129).

В кыргызском языке числительное стоит перед глаголом, а в английском наоборот после глагола.

Например: 1. Биз чөп чапкыч машина айдаган балдар, Даниярды ошондо **биринчи жолу көрдүк**.

2. Жамийла баракты **эки бүктөп**, койнуна салды

4. Модель **V+N** (глагол+ существительное), (этиш+ зат атооч)

В составе этого типа сочетания переходный глагол является ядром, а существительное адьюнктом. По своей семантике глаголы бывают разнообразными. Эти могут быть глаголы, обозначающие конкретные физическое действие (**to open- открывать- ачуу, to write- писать- жазуу**), чувственное восприятие (*to feel- чувствовать- сезүү, to see- видеть- көрүү*), глаголы речи (*to tell-рассказать- айтып берүү, to say-говорить- айтуу*) и т.д.

Адьюнкт данной модели может быть выражен конкретным или абстрактным, одушевленным или неодушевленным существительным. В английском языке в этом типе словосочетания основной синтаксической связью является примыкание и порядок расположения членов соблюдается твердо. Объектной валентностью обладает существительное- адьюнкт в общем падеже, выполняющее функцию объектного дополнения: *to write a letter, to send information*.

Например: 1. Students would have no need “**to walk the hospitals**” if they had me. (p.12).

2. **I followed the directions**, with the happy result- speaking for myself- that my life was preserved, and is still going on. (p.14.).

to walk – (этиш) Verb –ядро- Kernel, **the hospitals** –(адьюнкт) adjunct, **followed** – (этиш) Verb – (ядро) kernel, **the directions** - (адьюнкт) Adjunct .

В кыргызском языке словосочетания данной структурной модели могут передаваться несколькими структурными моделями. В кыргызском языке адьюнкт стоит в форме любого косвенного падежа, кроме родительного и сочетаются с ядром путем управления. Например: *менде машина бар (адьюнкт стоит в форме местного падежа), эрежени сактоо (адьюнкт стоит в винительном падежа), үйдөн чыкты (адьюнкт стоит в форме исходного падежа)*. Сочетаясь посредством управления с адьюнктом глагол образует словосочетания с объектными отношениями, при этом адьюнкт занимает препозицию по отношению к ядру словосочетания и имеет следующую модель N+V.

Например: Анда биз, бир кур өспүрүм балдар, колхоздо **араба айдап, суу суугарып, чөп чаап**, айтор, согушта салгылашып жаткан эр бүлөлөрдүн оор түйшүгү биздин мойнубузда. (p.4.).

5. Модель V+ppr.+N (Prn) Этиш+предлог+ зат атооч(ат атооч)

Насколько в сравниваемых языках словосочетания с помощью предлогов (послелогов) очень богатый, мы решили рассматривать только несколько примеров для анализа.

Предлог в данном словосочетании соединяет оба компонента. Адьюнкт выражен существительным или указательным местоимением или местоимением в одном из падежей в кыргызском языке, а в английском языке в объектном падеже. Если адьюнкт в английском языке выражен существительным или указательным местоимением, то синтаксическая связь не имеет никакого морфологического характера и выражается примыканием и твердым порядком компонентов словосочетания. Если адьюнкт в английском языке выражен личным местоимением в объектном падеже, то синтаксическая связь выражается по способу управления. В кыргызском языке адьюнкт, выраженный в одном из четырех падежей, сочетается с ядерным глаголом пи путем управления при помощи послелогов послеложной связью, и адьюнкт занимает препозиции к ядру.

Например: *to arrive in Osh- Ошко (шаарына) келүү, to look for him- аны издөө.*

Таким образом, в современном английском языке предлоги, как в фиксированный порядок слов в предложении, стали основным средством выражения синтаксических отношений между словами. В кыргызском языке функцию предлогов играет послелог. Кыргызский послелог по содержанию и по своим синтаксическим функциям наиболее близок к английским предлогам. Функции английских предлогов очень многообразны. Существует ряд различий в расположении предлога в английском и кыргызском языке.

Например: *I visited America to practice the English language.- Мен Америкага англис тилин*

үйрөнгөнгө келдим.

В английских объектных словосочетаниях предлог, соединяя зависимый компонент с ядерным, стоит перед управляемым словом. А в кыргызском языке в аналогичных сочетаниях послелог стоит после управляемого слова.

Мы можем предложить ряд активных предложных словосочетаний глагола с существительным в английском языке и их эквиваленты в кыргызском языке.

1. Модель Noun + Prep+ Verb (Зат атооч + предлог + этиш)

Например: 1. I **pulled out my watch** and timed it (12).-Мен **саатымды алып**, аны текшердим.

2. All they need do would be **to walk round me**, and after that, take their diploma. (12). - Аларга бар болгону мени **айланып карап** гана андан кийин дипломдоруна ээ боло беришсе болот

3. Мына эртең да **айылга жөнөймүн**. (3б).

2. Verb (ядро) + of +noun (адьюнкт)- Этиш + of +Зат атооч

В английском языке это словосочетание синтаксически выражается по способу примыкания: *to dream of the life*. Данный модель английского языка соответствует в кыргызском языке словосочетания с послеложным объектом

и объектом в падежной форме, где синтаксическая связь выражается по способу управления: *жашоо жөнүндө кыялдануу*.

Например: He said he **knew the sort of place** I meant; (p.17)- Ал мен айтып жаткан **жер жөнүндө билеерин айтты**.

3. Модель Noun + to + Verb (Зат атооч + предлог + Этиш)

Например: **мектепке баруу, үйгө кетүү, бакка баруу**.

1...and William Harris told us how he felt when **he went to bed**.(15).

2. Ал күнү биз адаттагыдай станциядан чыгып, **айылга кайтып бара жаткан элек**.

Модель: Noun+ at + Verb - (Зат атооч +жандооч +Этиш)

M. to look at the house- үйдү кароо,

Например: 1. At this point, Mrs. Poppets **knocked at the door** to know if we were ready for supper.(p. 15).

I tried to look at my tongue. (p.12).

2. Жамийланын тиги өчүп бара жаткан **күндү карап** турганын байкадым. **Сүрөттү карап**, мен андан жолума ак тилек бата алып жаткан өңдүү, аны көпкө көз айырбай карап турдум. (3б)

На основании анализа валентности и сочетаемость глаголов в глагольных словосочетаниях в сопоставляемых языках мы можем делать следующие выводы:

1. В современном английском языке, также как и в кыргызском языке различаются три активной синтаксической связи: согласование, примыкание, управление. Но в кыргызском языке кроме выше перечисленных приемов синтаксической связи, есть послеложная связь.

2. В английском языке основным типом синтаксических связей является примыкание, с помощью которого актуализируются валентные свойства комбинирующихся единиц. А в кыргызском языке типы синтаксических связей слов зависят от принадлежности данных слов к той или иной части речи, от структурных особенностей частей речи.

3. В этих сопоставляемых языках глагол имеет правой и левой валентностью- положением адьюнкта по отношению к ядру- в препозиции и постпозиции для субстантивных,

адъективных, адвербиальных словосочетаний. В кыргызском языке адьюнкт всегда предшествует ядерному слову и имеет правой валентностью. А в английском языке адьюнкт в глагольных словосочетаниях занимает постпозицию по отношению к ядерному глаголу.

Библиографический список:

1. Найманова Ч. К. Валентность и сочетаемость частей речи в разносистемных языках. Монография. Бишкек, 2004. - 182 с.
2. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка.- М.: Изд-во лит-ры по иностр. языкам, 1957.-286с.
4. Турсунов А. Глагольные словосочетания в киргизском языке. Автореф. дис.... доктора филол. наук. Алма- Ата, 1991. – с. 47 с.
5. Турсунов А. Кыргыз тилиндеги этиштик сөз айкаштары. Часть II, Фрунзе, 1978. – 337 с.
6. Хорнби А.С. Конструкции и обороты английского языка. Учпедгиз, 1958, с. 21-121.
7. Ginzburg. R.S. Verbal Collocations in Modern English. 1975. 304 p.

Список использованной художественной литературы для анализа:

1. Ч. Айтматов, “ Жамила”, 2008. -112 бб.
2. Jerome K. Jerome, “ Three Men in a boat”, (To Say Nothing of the Dog), 2003,- 288 pp

Громова Алла Викторовна

Аспирант, Тверской Государственный Университет. E-mail: alyona81@mail.ru

Тел.: (950)803-67-75

УДК 37.015.3

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация: В данной статье рассмотрен герменевтический подход к проблеме понимания текста при переводе. Обсуждаются два этапа понимания в процессе перевода художественного текста. Первый этап связан с процессом интерпретации глубинного смысла текста оригинала, второй этап – с передачей адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другом языке.

Ключевые слова: герменевтика; познание; понимание; рефлексия; перевод.

Abstract: This article considers hermeneutic approach to understanding problem of text translation. There are discussed two stages of understanding in the process of text translation. The first stage is connected to the process of understanding as interpreting the message of the original text. The second stage goes with the direct linguistic translation .

Keywords: hermeneutics; knowledge; understanding; reflexivity; translation.

Человеку дана способность овладевать иностранными языками, а кроме того, рефлексивно относиться к своему собственному языку — говорить о нем, смотреть на него как бы со стороны, трактовать его как один из многих, а не единственно возможный, — все это обеспечивает и возможность перевода. Адекватный перевод помогает нам знакомиться с иной культурой, осуществлять ее изучение и понимание [Алексеев М. А., 2016, с. 2] . Другими словами, благодаря переводу, мы совершаем межкультурный диалог. Человек, осуществляющий перевод, производит своего рода межкультурный обмен, благодаря чему мы знакомимся с шедеврами мировой литературы и искусства, нам становятся доступны научные достижения представителей иных культур.

Какое отношение к переводу имеет герменевтика?

Известный французский философ, один из ведущих представителей философской герменевтики, Поль Рикер сказал: «Понимать — это и значит переводить». Перевод невозможен без понимания и интерпретации текста — это первый шаг при выполнении любого вида перевода, включая литературный. Осуществляя перевод, мы начинаем свою деятельность с анализа, восприятия и понимания текста оригинала, который подвергается процессу перевода.

Чтение текста является основным, первичным и наиболее очевидным источником того особого опыта понимания, который стал предметом герменевтических учений. При исследовании философской герменевтики как философской традиции и как методологии гуманитарного знания представляется важным анализ того, что подразумевается в ней под «текстом». Основным определением текста является возможность его включения в деятельность читателя через продуктивную интерпретацию; для этого текст должен быть прочитываем. Текст – это то, что может быть прочитано и интерпретировано.

Понимание текста сопряжено с интерпретацией. Слово «интерпретация» применимо по отношению к пониманию, направленному на постижение смысла, зафиксированного в письменной форме. Овладение смыслами, заключенными в тексте, посредством чтения позволяет реципиенту преодолевать культурно-временную дистанцию, отделяющую

читателя от чуждого ему текста, и тем самым включать смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель. Необходимо учитывать намерения автора, создавшего текст, а также его культурную среду. Кроме того, нужно осознавать, что повествователь и автор текста не всегда одно и то же лицо. Иногда рассказчик — реальный человек, а иногда вымышленный персонаж. Следует определить его намерения и культурную принадлежность. Так же нужно учитывать место действия по сюжету, жанр (будь то поэзия, рассказ, предсказание и т. д.), стилистические приемы, сам сюжет.

Учитывая вышесказанное, мы осознаем, что для понимания и интерпретации смысла ключевыми являются три аспекта: автор, текст и читатель.

Второй этап понимания в процессе перевода - передача адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другой язык. [Гарбовский Н. К., 2004, с. 9]

Однако человек при переводе может понимать один и тот же текст по-разному и как определить, чье понимание более адекватное? Герменевтический подход дает возможность обучения рефлексии, которая позволяет каждому переводчику построить только свой смысл и приблизить читателя к его пониманию. [Богин Г. И., 1998, с. 1] При активном герменевтическом понимании «человек смотрит на себя, смотрящего на мир» [Щедровицкий Г.П., 1992, с.21]. Процесс понимания непосредственно связан с имеющимися знаниями в разных сферах, то есть с фоновыми знаниями. В процессе рецепции художественного текста происходит активация, прежде всего, экстралингвистических знаний, что способствует глубинному пониманию текста. Герменевтический подход к пониманию предполагает полное и глубокое проникновение в текст, что связано с привлечением объективного исторического материала, информации о личности автора оригинала как носителя культуры определенной эпохи, а также с логическим анализом и теоретическим осмыслением текста. Осмысление текста и понимание имеют место только в контексте всей деятельности и обусловлены целями, которые преследует человек. Результатом процесса понимания является постижение смысла. Таким образом, смысл и осмысление приобретают социокультурный статус.

При переводе следует учитывать, что смысл никогда не носит полностью ясный и осязаемый характер, и поэтому перевод только смысла будет приблизительным и неточным. Перевод будет удачен тогда, когда переданный смысл производит такое же впечатление на реципиентов перевода, какое оригинал производит на «свою» аудиторию. Другими словами, перевод включает «декодирование» оригинального суждения и «кодирование» его на язык перевода. Эти процессы выполняются переводчиком одновременно, т.е. перевод является и процессом и продуктом понимания текста. «Переведенное предложение, если, конечно, маститый переводчик не преобразил его так, что мы перестаем замечать стоящее за ним живое предложение оригинала — всего лишь карта в сравнении с ландшафтом» [Алоян Н.Л., 1999, с. 48].

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что герменевтика помогает увидеть глубинный смысл текста оригинала и передать его в переводе. Перевод дает при этом интерпретацию смысла текста оригинала, и то, насколько верна и близка автору эта интерпретация, делает перевод правильным. Таким образом, перевод — это своего рода передача адекватно понятого смысла текста языка оригинала на другой язык. Это делает герменевтический подход одним из самых важных при работе над переводом. При этом становится очевидным тот факт, что правильный перевод играет существенную роль в формировании и развитии культур, поскольку велико значение перевода в постоянном межкультурном взаимодействии.

Библиографический список:

Учебник

Гарбовский Н. К. Теория перевода: М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.

Учебно-методическое пособие

Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг:— М.: Юнити — Дана, 2006. — 233 с.

Статья из журнала

Закирова А. Ф. Теоретические основы педагогической герменевтики. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. — 152 с.

Диссертация

Богин Г. И. Интерпретация как средство выведения к более современному пониманию // Hermeneutics in Russia. Volume 1, 1998. — С.1–8.

Статья из журнала

Алексеенко М. А. Роль герменевтического подхода при переводе художественного текста // Молодой ученый. — 2016. — №7. — С. 1067-1069.

Диссертация

Алоян Н.Л. Герменевтический аспект обучения в контексте философии культуры: диссертация кандидата философских наук / СКНЦ ВШ. Ростов-н/Д., 1999. — 117 с.

Интернет-источник

<http://www.fondgp.ru/lib/journals/vm/1992/1-2/v921red0>

Интернет-источник

<http://hermeneutik.kemsu.ru/Content/documents/>

Никифорова Александра Ильинична
студент 4 курса, каф. Общего языкознания, Филологический Факультет, Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: woefrommind@yandex.ru

УДК 81

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ МЕСТОИМЕНИЙ.

Аннотация: в статье рассмотрены факторы, влияющие на интерпретацию местоимений, проведены и описаны опыты по выявлению факторов, влияющих на интерпретацию местоимений.

Ключевые слова: местоимения, референция, референциальный выбор, интерпретация.

Abstract: The article examines the factors affecting the interpretation of pronouns, and describes experiments conducted to identify factors affecting the interpretation of pronouns.

Key words: pronoun reference, referential choice, interpretation.

Основной идеей исследования было выявить некоторые факторы, влияющие на референцию (далее — Р) и референциальный выбор (далее — РВ) в процессе порождения речи на русском языке. В этой области лингвистики имеется уже достаточное количество работ, и эта сфера в наши дни бурно развивается. Но, всё же, вопросы остаются, в особенности, по русскому материалу, так как, естественно, большинство выводов было сделано и предположений высказано с опорой на материал английского языка, с которым русский по некоторым параметрам существенно различается. И именно эти отличия, как мы предполагаем, могут достаточно сильно повлиять на то, совпадут ли наши наблюдения с выводами предшественников. Среди исследователей механизмов Р и РВ в традициях русскоязычной лингвистики можно без сомнения назвать Е.В.Падучеву, А.А.Кибрика, О.В.Фёдорову. Опорой для нашего эксперимента стала статья [13], в которой лингвисты на материале английского языка попытались выяснить влияние семантики глагола на РВ, а также определить степень влияния синтаксической и информационной структуры предложения на выбор референциального средства (далее - РС).

Наша работа будет разбиваться на два основных блока: относительно Р и касательно РВ. Вслед за А.А.Кибриком мы будем понимать Р как решение говорящего в ситуации с несколькими потенциальными референтами, про кого из них продолжать, а РВ, напротив, будем считать процесс выбора говорящим референциального выражения для уже определённого референта [15]: полной именной группы или редуцированного референциального средства (далее РРС)

Вследствие этой дихотомии возникает и различие в природе детерминации. Так, на Р как процесс, преимущественно определённый объёмом рабочей памяти говорящего, может влиять семантика предиката, грамматическая и информационная структура предложения (более всего ожидаемы продолжения про субъект и тему/топик). Здесь, однако, необходимо заметить, что эти предположения были высказаны по большей части относительно языков с фиксированным порядком слов типа английского, где синтаксическая роль и роль в коммуникативной структуре совпадают. В русском языке как в конечноударном языке со

свободным порядком слов изменение базового SVO-порядка может использоваться для неконтрастивной фокусировки [21]. Вследствие этого отличия в нашей работе мы будем рассматривать эти два фактора по-отдельности.

РВ же, который, согласно сходному мнению многих исследователей в большей степени связан со статусом референта в момент коммуникации в когнитивной системе говорящего, больше зависит от степени доступности референта в системе коммуникации [1, 12, 11, 2, 3]. Иными словами – чем доступнее референт, тем вероятнее использование РРС [10]. Существуют различные точки зрения на то, что обуславливает эту доступность: есть мнение, что прономинализация и эллипсис возникают в случае нахождения референта в фокусе внимания говорящего [18], другие лингвисты объясняют появление местоимений высокой активацией референта [4, 15]. Когнитивные лингвисты выделяют несколько факторов, влияющих на активацию референта. В их число входит расстояние в клаузах между анафором и антецедентом [10], расстояние до антецедента в абзацах или эпизодах [17], влияние риторической структуры и, в частности, риторического расстояния до антецедента [6, 14], эффект рода (при наличии референциального конфликта по роду количество РРС существенно сокращается) [25], а также эффект второго персонажа [25, 23]. Причём, стоит отметить, что эти факторы не носят взаимоисключающий характер (в этом смысле предложенный А.А.Кибриком «многофакторный подход», учитывающий все возможные параметры, представляется наиболее адекватным).

В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают те гипотезы, которые опираются на роль потенциального референта в структуре предложения. Так, существует мнение, что при выборе референциального выражения говорящий скорее предпочтёт местоимение в случае с референтом-подлежащим, так как синтаксическая роль субъекта делает референт более активным [5]. Некоторые лингвисты считают наиболее важным фактор первого упоминания: чем раньше элемент возник в дискурсе, тем лучше он доступен для прономинализации [9]. Иная точка зрения состоит в том, что местоимение более вероятно в том случае, когда референциальное выражение имеет ту же грамматическую роль, что и референт [27, 26].

Стоит подчеркнуть, что соотношение вышеупомянутых факторов также ещё точно не установлено, т. к. РВ, будучи «вторым по порядку» решением после Р, сильно зависит от факторов, влияющих на выбор самого референта. К примеру, Стивенсон с коллегами [28] на материале английского языка показали, что фактор тематической роли активирует референт ещё до возникновения референциального выражения (т. е. в большей степени влияет на Р), в то время как фактор грамматической роли возникает уже при выборе референциального выражения. Также в этой работе были использованы глаголы с так называемой имплицитной каузальностью (далее — ICv), которые стали известны после первого упоминания о них исследователями [8]. Характерной чертой таких глаголов является смещение активации в сторону референта-каузатора в силу их семантики. Bold и Solstad [24] в своём исследовании показали, что класс ICv как предикатов, оказывающих существенное влияние на дискурс своей семантикой, имеет смысл выделять даже в языках с различными структурными особенностями. Кроме того, в работе [7] при доказанном влиянии грамматической роли референта на выбор референциального выражения явно показано отсутствие влияния семантической составляющей таких глаголов (т. е. не имеет значения, кто каузатор: субъект или объект).

Первая задача нашего исследования заключалась в том, чтобы выяснить, какие факторы влияют на Р в русском языке и имеет ли место их сочетаемость. Для проверки семантического фактора было отобрано 14 глаголов с имплицитной каузальностью, смещающих активацию в сторону раздражителя-субъекта (радовать, возмущать, восхищать) и 14 глаголов, не обладающих этой характеристикой. Вариации информационной структуры были достигнуты путём изменения порядка слов на OVS. Вторым фокусом работы являлись закономерности выбора референциального выражения относительно выбора референта.

Эксперимент был проведён на выборке из 66 испытуемых по методике *story-continuation task* без заранее определённой структуры ответа. Стимулами являлись 28 простых предложений вне контекста с базовым/неканоническим порядком слов (SVO/OVS) с двумя одушевлёнными разнополюми потенциальными референтами. Из 1848 ответов было выбрано 954 значимых для поставленных задач: предложения про одного из референтов с употреблением именной группы, личного местоимения или эллипсиса.

Анализ показал, что семантика глагола оказывается значительно сильнее коммуникативных и синтаксических факторов (IC-глаголы существенно активировали субъект) ($\chi^2=86,739$, $p<0,001$). В стимулах SVO с обычными глаголами наблюдается статистически достоверное предпочтение дополнения в качестве референта (биномиальный тест: $p<0,001$), следовательно, синтаксическая структура оказывается значима, влияние же информационной нуждается в дополнительной проверке. Незначимое различие в референции к субъекту/объекту в этом случае можно объяснить с несколько более экстралингвистической позиции относительно фокуса внимания, т. к. в русском языке обратный порядок слов без контекста воспринимается неестественно [20], и в нашем случае возможна конкуренция между восприятием топикализованного дополнения как контрастного начала и тенденцией приоритета подлежащего.

Также по результатам эксперимента не было обнаружено практически никаких статистически значимых различий в ответах, позволивших бы говорить о влиянии того или иного фактора на референциальный выбор. Во всех случаях наблюдается примерно 75% предпочтение РС именной группе, что закономерно при отсутствии референциальных конфликтов и может быть объяснено стремлением говорящих к экономии языковых средств и минимизации усилий. Тенденция же к предпочтению РС в случаях с референтом-субъектом доказывает синтаксический фактор приоритета подлежащего. Значимое увеличение «нулей» при Р к субъекту только у обычных глаголов в SVO показывает, что из-за возможности эллипсиса в русском языке эффект, отмеченный для английского в целом как предпочтение РС при субъекте [13], проявляется по-особенному: как предпочтение нулевой референции в этом случае. Таким образом мы можем выстроить более подробную грамматически оправданную иерархию РС для русского языка в зависимости от степени активации референта: NP–P–0, что полностью согласуется с моделями Givon [10].

Таким образом, в результате исследования было однозначно обнаружено влияние некоторых из проверяемых факторов на Р и выбор анафорического средства в процессе порождения речи на русском языке, а именно: грамматической роли антецедента и семантики глагола.

Итак, выявленные факторы, оказывающие влияние на то, как происходит выбор одного из двух референтов для продолжения повествования при равных условиях:

1. В первую очередь, тип глагола (а именно — его семантика) оказывается существенным при осуществлении Р. Таким образом подтвердились данные, полученные на других языках [7, 13, 28], что выбор референта зависит от семантических характеристик предиката.

2. Во-вторых, было выявлено, что синтаксическая роль влияет на предпочтение референта и, как подтвердилось ожидание, в «нейтральных» случаях с базовым порядком слов в качестве референта для продолжения обнаружилось статистически значимое преимущество дополнений, в то время как при обратном порядке слов это явление остаётся на уровне тенденции, не выходя на статистическую значимость.

3. Насчёт влияния информационной структуры на Р ничего точно утверждать невозможно, поскольку распределение по референтам в зависимости от критерия порядка слов оказывается практически равным.

Относительно выбора говорящим референциального средства, можно сказать, что:

1. В нашем эксперименте было выявлено, в частности, что на выбор анафорического средства не обнаружилось влияния семантики глагола. Это подтверждает

для русского языка результаты, полученные в предыдущих экспериментах на английском материале [7, 13]. Так как в качестве критерия разделения двух групп глаголов была принята семантика имплицитной каузальности с субъектом-раздражителем, то ожидалось, что при этих глаголах про субъект окажется больше местоимённых продолжений, а про объект — именных групп, нежели в другой группе глаголов, однако в обеих группах доля РС в соотношении с долей употребления полных именных групп значительно превышала и подчинялась скорее закономерности, описанной в следующем пункте.

2. По результатам эксперимента было обнаружено и статистически доказано, что роль антецедента в грамматической структуре в значительной степени влияет на тип выбранного РС. Более того, гипотеза, высказанная у Rhode и Kehler [13] о предпочтении подлежащего для прономинализации подтвердилась и даже усовершенствовалась, так как в ещё большей степени мы наблюдаем влияние связности синтаксической роли подлежащего с предпочитаемым в качестве референциального средства эллипсисом, который является ещё более редуцированным и ограниченным в применении средством, нежели местоимение.

3. Относительно влияния роли референта в информационной структуре предложения на РВ по результатам анализа невозможно сделать никаких однозначных выводов, но мы можем сказать, по крайней мере, следующее: в рамках данного эксперимента предпочтение темы для прономинализации проверить не удалось в силу ряда причин, однако тенденция к этому, безусловно, наблюдается, и необходимо продолжать исследования в этом направлении.

В качестве перспектив дальнейшей работы можно выделить две сферы: анализ уже полученного и обработанного материала и другие исследования в рамках выбранной проблематики, на идею которых натолкнуло проведённое исследование.

Относительно первой части стоит отметить, что было бы очень интересно проанализировать влияние всех проверяемых в данной работе факторов на РВ в случаях, когда в ответах испытуемых фигурируют сразу два референта по-отдельности, а также на их позицию и роль в грамматической и информационной структуре ответа, т. к. при обнаружении каких-либо закономерностей здесь уже будет возможность говорить о некоем взаимодействии и «иерархии силы влияния» различных по своей природе факторов активации.

В этом контексте представляется любопытным также посмотреть, каково влияние синтаксической и информационной роли референта в структуре самого предложения-ответа на выбор РС для него, т.к. многие лингвисты, в том числе и Е.В.Падучева [19], отмечают, что, по крайней мере, русский язык в некоторых случаях накладывает ограничения на использование местоимений третьего лица, особенно если рассматривать связный текст, что, собственно, и требовалось от испытуемых — продолжить историю, начатую или продолжаемую стимульным предложением.

Более того, т.к. в нашем эксперименте обнаружилось, что, очевидно, при данном дизайне эксперимента мы не можем однозначно проверить влияние информационной структуры как отдельного фактора: в русском языке обратный порядок слов в нулевом контексте вызывает у испытуемого «ступор», обусловленный восприятием их как неестественных в начале текста. Следовательно, нужна проверка влияния тематической структуры в некотором чётко заданном контексте. Поэтому есть смысл провести аналогичный эксперимент на установление влияния роли антецедента в информационной структуре предложения на Р и РВ, добавив перед каждым стимулом ещё предложение(/я), с помощью которого можно будет максимально точно, насколько это возможно, определить тематическую структуру стимульного предложения.

Кроме того, если рассматривать перспективы дальнейших исследований, то было бы также небезынтересно проследить при сохранении прочих равных: разницы по роду (муж/жен) и т.д., влияет ли одушевлённость референта на Р и выбор анафорического средства, поскольку в русском языке местоимения третьего лица единственного числа не

имеют противопоставления по одушевлённости и могут быть использованы как в случае с предметами, имеющими мужской или женский грамматический род, так и в случае с людьми.

Ещё одним перспективным направлением работы относительно конкретизации и уточнения полученных результатов, также имеющим потенциал обнаружить в собранном материале основания для некоторых новых наблюдений, может являться более детальный анализ каждого стимула, а, если точнее, каждого глагола по семантическим ролям и их реализации, а также по рангам актантов. Потому что семантическая роль (агенса, пациенса и т.д.) входит в толкование глагола (как определяет Ю.Д.Апресян [30, 120], роль — это просто часть толкования), а коммуникативный ранг участника (субъект, объект и т.д.), определяемый синтаксической позицией его экспонента (а точнее коммуникативной значимостью), характеризует участника с прагматической точки зрения — по отношению к фокусу внимания говорящего [29]: то есть в некотором смысле предписывает «порядок следования участников в иерархии актантов», что как раз и важно в свете интересующих нас проблем Р и РВ и позволяет разграничить влияние чистой семантики глагола в виде семантических ролей и «коммуникативную необходимость». В этом смысле собранные и обработанные данные могут быть проинтерпретированы в совершенно ином ключе и, возможно, натолкнуть исследователей на некоторые новые мысли в этой области.

Библиографический список:

1. Ariel, M. *Accessing noun phrase antecedents* // Routledge. London and New-York, 1990.
2. Arnold, J. E. *How speakers refer: the role of accessibility.*//*Language and Linguistic Compass* 4. 2010. С.187-203.
3. Arnold, J. E. *The effects of thematic roles on pronoun use and frequency of reference.* // *Discourse Processes* 31. 2001. С.137-162.
4. Chafe, W. *Discourse, consciousness, and time.* // *The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing.* Chicago, 1994.
5. Crawley, R.A., R.J. Stevenson, and D. Kleinman *The use of heuristic strategies in the interpretation of pronouns.* // *Journal of Psycholinguistic Research* 19 (4). 1990. С.245–264.
6. Fox, B. *Discourse structure and anaphora in written and conversational English.* // Cambridge University Press. Cambridge, 1987.
7. Fukumura, K., and P. G. van Gompel. *Choosing anaphoric expressions: Do people take into account likelihood of reference?* // *Journal of Memory and Language* 62. 2010. С.52-66.
8. Garvey, C., and A. Caramazza. *Implicit causality in verbs.*//*Linguistic Inquiry*5. 1974. С.459-464.
9. Gernsbacher, M. A., and D. J. Hargreaves. *Accessing sentence participants: The advantage of First mention.* // *Journal of Memory and Language*27. 1988. С.699-717.
10. Givon, T. *Topic continuity in discourse: An introduction.* /T. Givon // *In Topic continuity in discourse: A quantitative, cross-language study.* John Benjamins. Amsterdam, 1983. С.1-42.
11. Grosz, B. J., A. K. Joshi, and S. Weinstein. *Centering: A framework for modeling the local coherence of discourse.* // *Computational Linguistics* 21. 1995. С.203-225.
12. Gundel, J. K., N. Hedberg, and R. Zacharski. *Cognitive status and the form of referring expressions in discourse.* // *Language* 69(2). 1993. С.274-307.
13. Rohde H., Kehler A., *Grammatical and Information-Structural Influences on Pronoun Production.* // *Language and Cognitive Processes* Vol.28. 2014
14. Kibrik, A.A. *Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account.* / B. Fox // *Studies in anaphora.* Benjamins. Amsterdam, 1996. С.255–304.
15. Kibrik, A.A. *Reference in discourse.* // Oxford University Press. Oxford, 2011.

16. Lambrecht, K. Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents. // Cambridge University Press. Cambridge, 1994.
 17. Tomlin, R.S. Linguistic reflections of cognitive events. / R. Tomlin // Coherence and grounding in discourse. Benjamins. Amsterdam, 1987. С.455–479.
 18. Tomlin, R.S. Focal attention, voice and word order: An experimental crosslinguistic study. / P. Downing and M. Noonan // Word order in discourse. Benjamins. Amsterdam, 1995. С.517–554.
 19. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. // М, 1985. С.1-19, 107-136, 150-158,
 20. Слюсарь, Н.А. Экспериментальное исследование восприятия русских предложений с различным порядком слов в зависимости от контекста // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Филологический фак-т СПбГУ, том 2. 9-13 июня 2006. С.433-434.
 21. Слюсарь, Н.А. Особенности коммуникативного членения предложения в зависимости от типологических характеристик разных языков / Скребцова Т.Г. // Материалы XXXV международной филологической конференции (15-20 марта 2006 г.). Вып. 21. Секция математической лингвистики. Ч.2. СПб., 2006. С. 16-25.
 22. Федорова, О.В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика. // Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук. МГУ. Москва, 2013. С. 303-576
 23. Федорова, О.В., и А.М. Успенская Экспериментальный анализ дискурса: референциальный выбор в ситуации потенциального референциального конфликта (экспериментальное исследование на материале русского языка). / А.Е. Кибрик и др. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог 2011. Издательство РГГУ. М., 2011. С.207-218
 24. Bott O., Solstad T., From verbs to discourse - a novel account of implicit causality. / Barbara Hemforth, Barbara Schmiedtova, Cathrine Fabricius-Hansen // Meaning and Understanding across Languages, Studies in theoretical psycholinguistics. Springer. 2014
 25. Arnold, J.E., Griffin Z.M. The effect of additional characters on choice of referring expression: Everyone counts. // Journal of Memory and Language 56(4), 2007 p.521–536.
 26. Chambers G. C., and Smyth R. Structural parallelism and discourse coherence: A test of centering theory. // Journal of Memory and Language 39. 1998 pp.593-608.
 27. Smyth, R. 'Grammatical determinants of ambiguous pronoun resolution'. Journal of Psycholinguistic Research 1994, 23 : pp. 197–229.
 28. Stevenson R. J., Crawley R. A., Kleinman D. Thematic roles, focus and the representation of events. // Language and Cognitive Processes, 9, 1994. pp. 519–548.
 29. Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. // Семиотика и информатика, вып.36. М.: Русские словари, 1998, С.86-93
 30. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. / Избранные труды. Т. I.// М., 1995. С.265
- o218218218.конференции Диалог 2011. Издательство РГГУ. М., 2011. С.207–218.

Гайдук Татьяна Валерьевна

Студентка 1 курса магистратуры филологического факультета Московского педагогического государственного университета (направление подготовки «Зарубежная литература в контексте культуры»). E-mail: princessai-13@mail.ru

УДК 811.111

**ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И АВТОРСКИХ
ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СЕРИИ РОМАНОВ ДЖ.К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ**

Аннотация: в статье описаны способы и подходы к переводу собственных имен и авторских акказионализмов, произведена привязка групп имен собственных и способов перевода.

Ключевые слова: перевод, имена собственные, окказионализмы, Гарри Поттер, Дж.К.Роулинг.

Abstract: The article describes methods and approaches to the translation of proper names and copyright akkazionalizmov, made binding groups of proper names and translation methods.

Keywords: translation, proper names, occasionalisms, Harry Potter, JK Rowling.

В начале XXI века все мировые СМИ писали о великой книге тысячелетия, о сказке, которая свела планету с ума. Сегодня вряд ли на свете найдется человек, который не слышал имени Гарри Поттера. Спустя несколько лет после написания первой книги из серии произведение Джоан Роулинг уже называли классикой. Книги английской писательницы приравнивали к рогу изобилия, который полон удивительных, фантастических вещей.

На сегодняшний день было продано более 400 миллионов экземпляров романов о Гарри Поттере, что делает серию книг наиболее продаваемой в истории [12]. Сказка о мальчике-волшебнике была переведена на 67 языков [11].

Многие до сих пор задаются вопросом, что привело к подобной популярности Гарри Поттера. Однозначного ответа быть не может, однако имеет смысл говорить о том, что в большей степени читателя в романах привлекает его жанр – фэнтэзи. Именно он позволяет людям узнать о том, чего не встретишь в обычной жизни: о магии, о фантастических существах, о волшебных артефактах и пр. В связи с этим интересным представляется то, какие подходы при переводе имен собственных, а также авторских окказионализмов применяли переводчики, удалось ли им сохранить «легкий» [6] язык Дж.К. Роулинг и передать все те смыслы, которые автор вкладывала в свои произведения.

Имена собственные в современном языкознании используются для «выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [10, 473]. К именам собственным относят имена людей, богов и животных, названия народностей, географические и другие названия (например, названия праздников, торговых марок, произведений искусства и др.)

Существует несколько подходов к переводу имен собственных. В рамках нашего исследования мы будем опираться на следующие:

- транскрипция – перевод на уровне фонем [5];
- транслитерация – перевод на уровне графем [5];
- транспозиция – по принципу этимологического соответствия [7];
- калька – заимствование путем буквального перевода [8];
- полукалька – сочетание калькирования и транскрипции/транслитерации [1];

- уподобляющий перевод – подбор функционального эквивалента [1];
- создание неологизмов.

В литературных произведениях жанра фэнтези или фантастики автору невозможно обойтись без окказионализмов (авторских новообразований). Окказионализмы «создают некий воображаемый мир, показывают ту или иную действительность, пытаются произвести на читателя определенное эмоциональное или эстетическое впечатление» [3, 114]. Традицию использования индивидуально-авторских слов в фэнтезийном жанре в середине XX века заложил Дж.Р.Р. Толкин, а Дж.К. Роулинг ее продолжила.

Природа возникновения окказионализмов также является основной трудностью при подходе к их переводу. В нашем исследовании мы будем опираться на шесть способов перевода авторских словообразований:

- транслитерация;
- калькирование;
- описательный перевод – толкование значения слова [1];
- уподобляющий перевод;
- опущение – метод, прямо противоположный добавлению [2];
- создание неологизмов.

Анализ подходов к переводу имен собственных и авторских окказионализмов мы провели на основе перевода романов о Гарри Поттере М. Литвиновой, издательства «Росмэн», – фактически первого официального перевода серии на русский язык, наиболее любимого у читателей, но, в то же время, часто подвергающегося критике со стороны последних.

В романах Дж.К. Роулинг можно выделить пять основных групп слов, к которым относятся имена собственные и авторские окказионализмы:

- 1) географические названия (локации);
- 2) имена и фамилии персонажей (в том числе клички животных и имена существ);
- 3) названия существ;
- 4) заклинания;
- 5) магические термины и предметы.

Рассмотрим подробнее подходы к переводу слов из каждой группы.

Хогвартс (Hogwarts) – название школы, в которой учатся главные герои, переведено методом транскрибирования, что не лишает название скрытого смысла. Подобно названиям локаций Хогсмид (Hogsmeade) и «Кабанья голова» («Hog's Head») название школы содержит корень «hog» – вепрь, кабан. Если же поменять две части слова местами, то получится warthog – африканский дикий кабан, бородавочник. Кабан – «первобытный символ силы, наглой агрессии, беззаветной храбрости практически во всей Северной Европе и в кельтской традиции, где вепрь был общепринятым символом воинов» [9, 23]. Переводчики предпочли сохранить колорит слова Хогвартс, прибегнув к транскрибированию. Это можно объяснить тем, что русский читатель не воспримет отсылки к древней европейской языковой традиции.

К методу транскрибирования М. Литвинова также прибегает в случае перевода названий таких локаций, как Визенгамот (Wizengamot) – верховный суд магов Великобритании, волшебный банк «Гринготтс» («Gringotts»), тюрьмы Нурменград (Nurmengard) и Азкабан (Azkaban), школа волшебства Дурмстранг (Durmstrang).

Большинство географических названий (локаций), упоминаемых в романах, переведено при помощи методов кальки и полукальки: Косой Переулок (Diagon Alley), Годрикова Впадина (Godric's Hollow), Больница Св. Мунго (St Mungo's Hospital), Выручай-комната (Room of Requirement), Запретный лес (Forbidden Forest), Нора (The Burrow), «Дырявый котел» (The Leaky Cauldron), Визжащая хижина (Shrieking Shack), Лютный

переулок (Knockturn Alley), Паучий тупик (Spinner's End) и др.

Реже М. Литвинова прибегает в переводе к методу транспозиции: французская школа магии Шармбатон (Beauxbatons), кондитерская «Сладкое королевство» («Honeydukes»), Тисовая улица (Privet Drive), магазин шуточных товаров близнецов Уизли «Всевозможные волшебные вредилки» («Weasleys' Wizard Wheezes»). Что касается магазина братьев Уизли, и Роулинг, и переводчики придерживаются здесь излюбленного приема писательницы – единоначатия.

Основной пласт имен собственных в гепталогии составляют имена персонажей. В большинстве случаев они переведены способом транскрибирования и транслитерации: Гарри Поттер (Harry Potter), Гермиона Грейнджер (Hermione Granger), Сириус Блэк (Sirius Black), Долорес Амбридж (Dolores Umbridge), Альбус Дамблдор (Albus Dumbledore), Рубеус Хагрид (Rubeus Hagrid), Том Реддл (Tom Riddle), Лаванда Браун (Lavender Brown), Барти Крауч (Barty Crouch), Нимфадора Тонкс (Nymphadora Tonks), Нагайна (Nagini), Добби (Dobby), Пивз (Peeves), Арагог (Aragog) и т.д.

Однако такой подход к переводу не значит, что при желании эти имена собственные нельзя было бы перевести методом кальки/полукальки. Так, фамилия Нимфадоры Тонкс в дословном переводе означает «глупец», «простофиля», что можно считать намеком на неуклюжесть героини. Фамилия Барти Крауча переводится, как «пресмыкаться», «заискивать» (поклонение Крауча-младшего перед Волан-де-Мортом или заискивание Крауча-старшего перед начальством в попытке подняться по карьерной лестнице). Имя полтергейста Пивза можно перевести, как производную от глагола to peeve – «раздражать, выводить из себя». Фамилия Тома Реддла в переводе с английского означает «загадка»: впервые с этим именем Гарри Поттер сталкивается во втором романе серии – «Гарри Поттер и тайная комната», – Реддл оказывается человеком, у которого есть ответы на все вопросы, собственно, он сам и является разгадкой большинства тайн. Интересно, что в имени Тома Реддла Роулинг также использует анаграмму: Том Марволо Реддл – Лорд Волан-де-Морт (Tom Marvolo Riddle – I am Lord Voldemort). При переводе первая буква второго имени Реддла была изменена для сохранения анаграммы.

Тем не менее к методам кальки и полукальки М. Литвинова при переводе имен и фамилий прибегает довольно часто: Кандида Когтевран (Rowena Ravenclaw) – основательница факультета с орлом на гербе, Плакса Миртл (Moaning Myrtle) – вечно плачущее приведение, Филлида Спора (Phyllida Spore) – автор учебника «1000 магических растений и грибов», Помона Стебль (Pomona Sprout) – преподаватель травологии, Струпьяр (Scabior) – егерь, Крюкохват (Griphook) – гоблин, Роланда Трюк (Rolanda Hooch) – преподаватель полетов на метле, Жиг Мышьякофф (Arsenius Jigger) – автор учебника по зельеварению и др.

Некоторые имена были переведены методом транспозиции: Полумна Лавгуд (Luna Lovegood), Северус Снегг (Severus Snape), Кикимер (Kreacher), Невилл Долгопупс (Neville Longbottom), Златопуст Локонс (Gilderoy Lockhart), Аластор «Грозный Глаз» Грюм (Alastor «Mad-Eye» Moody) и др.

Названия различных существ в серии романов Дж.К. Роулинг можно разделить на две группы: классические для мирового фольклора и авторские. Перевод названий, принадлежащих к первой категории, устоявшийся: василиск (basilisk), гиппогриф (hippogriff), дракон (dragon), единорог (unicorn), йети (yeti), каппа (kappa), лепреккон (leprechaun), оборотень (werewolf), саламандра (salamander), тролль (troll), феникс (phoenix), химера (chimaera), вампир (vampire), гоблин (goblin), сфинкс (sphinx), банши (banshee), полтергейст (poltergeist) и т.д. Очевидно, что методы транскрипции и транслитерации не смогут донести до читателя, не знающего язык оригинала, смысл названия, поэтому при переводе названий существ, являющихся авторскими окказионализмами, чаще всего переводчики прибегают к методам кальки/полукальки и транспозиции: штырехвост (nogtail), глизень (streeler), веретеница (billywig), болтрушайка (jobberknoll), дромарог (graphorn), жмыр (kneazle), карликовый пушистик (puffskein), красный колпак (red cap), лукотрус

(bowtruckle), мозгошмыг (wrackspurts), морщерогий кизляк (crumple-horned snorkack), пятиног (quintaped) и др.

Также среди придуманных Роулинг существ следует выделить инфернала (inferius), фестрала (thestral) и дементора (dementor) – в первых двух случаях перевод осуществляется методом транслитерации, в третьем – методом транскрипции, хотя в этой ситуации, не зная языка, сложно понять смысл названий (например, инфернал – оживленный при помощи заклинания труп, от лат. *inferi* – «подземный мир»; дементор – существо, питающееся человеческими эмоциями, от англ. *dement* – «сводить с ума» и *tormentor* – «мучитель»).

Следующий пласт лексики, часто встречающийся в романах о Гарри Поттере – это заклинания.

Большинство заклинаний у Роулинг – это производные от латинских слов, которые М. Литвинова перевела методами транскрипции и транслитерации. Например, Авис (от лат. *avis* – «птица») – создает птиц, Агуamenti (от лат. *aqua* – «вода» и *mente* – «разум») – материализует воду, Глиссео (от лат. *glissee* – «скользить») – создает идеально гладкую поверхность, Депульсо (от лат. *depulsio* – «отталкивать») – отбрасывающие чары, Диффиндо (от лат. *diffindo* – «разбивать», «расщеплять») – режущее заклинание, Мобилиарбус (от лат. *mobilis* – «движимый» и *arbor* – «деревянный») – заставляет деревянные предметы летать, Протего (от лат. *protego* – «защищать») – щитовые чары и т.д.

Однако в тексте присутствуют и такие заклинания, которые были переведены дословно, методом кальки: Остолбеней (*Stupefy*), Ешь слизней (*Eat slugs*), Затмись (*Obscure*), Оглухни (*Muffliato*), Вспыхни (*Confringo*), Воздвигнись (*Erecto*), Обезьяз (*Langlock*) и др.

Наконец, последнюю группу имен собственных и авторских окказионализмов в гепталогии Дж.К. Роулинг составляют магические термины и названия предметов. В этой категории лексики, так же как и в случае с названиями существ, присутствует множество новообразований писательницы, таких как маховик времени (*time-turner*), омут памяти (*pensieve*), исчезающий шкаф (*vanishing cabinet*), громовещатель (*howler*), бладжер (*bludger*), снитч (*snitch*), квоффл (*quaffle*), квиддич (*quidditch*), напоминалка (*remembrall*), делюминатор (*put-outer*), летучий порошок (*floo powder*), обнаружитель (*revealer*), омнинокль (*omnioculars*), удлинитель ушей (*extendable ears*), окклюменция (*occlumency*), трансгрессия (*apparition*), легилименция (*legilimency*), маггл (*muggle*), крестраж (*horcrux*), галлеон (*galleon*), сикль (*sickle*) и др. Как мы видим, при переводе большинства окказионализмов М. Литвинова все так же прибегает к методам транскрипции, транслитерации, кальки/полукальки и транспозиции. Однако здесь мы впервые сталкиваемся и с методом перевода подбором неологизмов (например, трансгрессия, крестраж, громовещатель, омут памяти).

Нора Галь, приводя примеры из Марка Твена, отмечает: «Читатель не так много потеряет, не узнав, что селение Хоукай – это Ястребиный глаз: ну, еще одна живописная черточка, не более того. Но вот городок называется Мирная обитель или Коррупция – это уже не пустяк. Оставить Сент-Рест или Корапшен вместо хотя бы Користенвил – значит обокрасть читателя» [4, 88].

Перевод серии романов о Гарри Поттере издательством РОСМЭН сочетает в себе как говорящие названия, так и транскрипцию тех или иных имен собственных и авторских окказионализмов. Часть названий, по нашему мнению, переведена удачно, например, Полумна Лавгуд, «Всевозможные волшебные вредилки», Косой Переулок, Плакса Миртл, мозгошмыг, Обезьяз, громовещатель – эти переводы в полной мере передают смысл и характер предметов, существ, персонажей, заклинаний. Однако мы столкнулись и с менее удачными вариантами перевода, такими как Невилл Долгопупс, Кандида Когтевран, Северус Снегг, делюминатор – в этих случаях переводчикам лучше было воспользоваться методом транскрипции, а не кальки, которая привнесла не те смыслы, которые были заложены автором и, следовательно, сделала имена и названия более сложными для восприятия.

Библиографический список:

1. Алексеева Е. Проблемы перевода имен собственных в произведении Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер». – Тольятти, 2015.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
3. Васеева А.С., Мырина Д.Ф. Окказионализмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на материале произведений Стивена Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2014. – №1 (31).
4. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М., 2001.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М., 2004.
6. «Гарри Поттер һәм Фэлсәфә ташы»: трудности перевода // АТИ-TIMES: обзорно-аналитический проект Татар-информ. URL: <http://ati-times.tatar-inform.ru/news/culture/29385059/> (дата обращения: 03.08.2015).
7. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М., 2001.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1990.
9. Федорова Л.И. Интерпретация знаковых символов в фантастических произведениях // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – №19.
10. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
11. Harry Potter breaks 400m in sales // theguardian. URL: <http://www.theguardian.com/business/2008/jun/18/harrypotter.artsandentertainment> (дата обращения: 18.06.2008).
12. Potter tops 400 million sales // THE BOOKSELLER. URL: <http://www.thebookseller.com/news/potter-tops-400-million-sales> (дата обращения: 17.06.2008).

Пятков Сергей Сергеевич
Магистрант Тюменского государственного университета.
E-mail: sergey-spirit72@yandex.ru

УДК 800

«ПАЛЫ» П.П. ЕРШОВА: АНАЛИЗ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Аннотация: в статье произведен художественный анализ стихотворения, проанализирована реализация типичной для христианского мышления структуры мироздания.

Ключевые слова: Стихотворение, мироздание, анализ. Ершов.

Abstract: The article made artistic poem analysis, analyzed the realization of a typical Christian thought structure of the universe.

Tags: poem, creation, analysis. Ershov.

Поэтические тексты «малой формы» сибирского поэта П.П. Ершова (1815 – 1869), автора всемирно известной литературной сказки «Конек-Горбунок», лишь недавно начали активно входить в научный оборот. Прежде его стихотворному наследию (в силу атеистических установок, без проведения специальных, системно-целостных анализов) давали следующие характеристики: «творчество Петра Павловича Ершова было во многом противоречивым, его мировоззрение – нечетким, а мастерство – неровным <...>» [8, 286]. Однако новейшие исследования радикальным образом переоценивают поэтику его текстов, иллюстрируют самобытность поэтического дарования художника, стремясь не исказить его духовный строй [2; 4; 5; 7; 8; 9; 11]. Данная работа выполнена в рамках такой аналитической тенденции.

Обратимся к стихотворению П.П. Ершова, которое называется «Палы» [1, 318-320]:

Палы

1. Ночь простерта над лугами;
2. Серой тенью брезжит лес,
3. И задернут облаками
4. Бледный свет ночных небес.

5. Тройка борзая несется,
6. Дремлют возчик и ездок,
7. Только звонко раздается
8. Оглушительный звонок.

9. Мрак полночи, глушь пустыни,
10. Заунывный бой звонка,
11. Омраченные картины,
12. Без рассвета облака, -

13. Все наводит грусть на душу,
14. Все тревожит мой покой
15. И холодной думой тушит
16. Проблеск мысли огневой.

17. Вдруг блеснуло на поляне...
18. Что так рано рассвело?
19. То не месяц ли в тумане?
20. Не горит ли где село?

21. Тройка дальше. Свет яснее;
22. Брызжут искры здесь и там;
23. Круг огня стает полнее
24. И скользит по облакам.

25. Миг еще – и пламя встало
26. Грозно-огненной стеной
27. И далеко разметало
28. Отсвет зарева живой.

29. И на ярком покрывале,
30. Будто жители гробов,
31. Заходили, задрожали
32. Тени черные лесов.

33. Дальше! Дальше! Блеск пожара
34. Очи слабые слепит;
35. Ветер дышит пылом жара,
36. Дымом, пламенем клубит.

37. Стой, ямщик! Ни шагу дале!
38.
39. И тревожно кони встали,
40. Роя землю и храпя.

1840 (?)

Примечательно, что, как указывает исследователь [2], сам П.П. Ершов не объединял свои лирические тексты («Один, спокоен, молчалив...», «Природа скрыта в ризе ночи...», «Блеща жаркими лучами...», «Палы», «Чудесный храм», «Была пора: глубокой темнотой...», «Панихида», «Благовещание»), написанные им под впечатлением от поездок в Ивановское, в цикл под названием «Отрывки». Это было сделано позднее составителями сборников произведений поэта, которые, вероятно, руководствовались незавершенностью названных стихотворений. Об эскизности как основании для их объединения говорит и впервые напечатанный данный условный цикл в полном объеме В.П. Зверев: «безусловно, это преимущественно не отшлифованные до конца сочинения, напоминающие лирические эскизы, наброски стихотворений, которые могли бы быть объединены в завершённый цикл, подобный "Моей поездке"» [2].

Отметим, что конститутивным принципом становления поэтики текстов сибирского художника является специфика его сознания, мироощущения, являющегося христианским, религиозным [2; 4; 7; 8; 9; 11]. Кроме того, специалистами выявлено, что духовная тематика находит отражение и в условном цикле «Отрывки», в который входят «Палы» [9, 38], поэтому рассмотрение данного поэтического текста с учетом указанных выше тезисов вполне осуществимо. Итак, тематическое развитие в «Палах» представляется гетерогенным: в первых четырех строфах (с первой по шестнадцатую строку) изображается ночное пространство, специфическое состояние которого дает импульс к рефлексии лирического героя. В обозначенном условном тематическом сегменте обращает на себя внимание

субъектная организация: в первых двух строках неличный субъект повествования, описывая картину, в которой и «возчик», и «ездок» являются объектами, абстрагирован и «всеведущ», тогда как в третьей и четвертой строфе он обретает вполне конкретные черты «ездока». Такое художественное решение призвано, помимо динамизации значительной стиховой массы, проиллюстрировать объективность описания, в центре которого – унылый ночной пейзаж (обратим внимание и на следующее художественное решение: в данном «объективно» представленном описании отсутствует эмоционально-оценочная лексика, тогда как в следующих двух строках иллюстрируются «омраченные картины» и уже не упоминаются указанные ранее пространственные ориентиры («луга» и «лес» заменяются «пустыней», очевидно имеющей библейскую семантику), а бой «звонка», который «звонко раздается» сначала, становится «заунывным»), фиксируемый мертвым, лишенным жизни, пребывающим во мраке, а следовательно, не созерцаемый и не управляемый богом, ведь в нем нет света («И задернут облаками / Бледный свет ночных небес», «Без рассвета облака»), олицетворяющего божественное присутствие. Благодаря совокупности эффекта «объективности» первых строф и «авторитетной» оценки, данной субъектом, характеризующим романтической исключительностью, в третьей и четвертой строфе, изображаемое представляется нормальным, обыденным состоянием жизни, мира. Лирический герой, контрастируя с окружающим пространством, мыслит и осознает себя в рамках романтической направленности, подчеркивая свою, как было отмечено ранее, избранность за счет обозначения доступа к высшему началу, которым он обладает («И холодной думой тушит / Проблеск мысли огневой»). Именно «огневая» мысль, т.е. имеющая ту же природу, что и явление, показанное далее, иллюстрирует потенциальную возможность лирического субъекта стихотворения «Палы» познать Истину, Тайну.

С семнадцатой по сороковую строку в «Палах» представлено изображение необычайного явления, которое наблюдает субъект, а также его реакция на него. Внезапно появившийся огонь окутывает окружающее пространство, соединяется с небом («И скользит по облакам»), однако лирический герой не собирается останавливаться и призывает ямщика ехать навстречу огню («Дальше! Дальше!»). Образ огня в поэтике данного произведения имеет смысл сакральный, ведь он образует один из полюсов антитезы, которая лежит в основе данного текста и реализуется за счет противопоставления «не свет – свет», или, шире, – «не жизнь – жизнь»: «Тройка дальше. Свет яснее...», «И далеко разметало / Отсвет зарева живой». В христианской культуре символика огня имеет важнейшее значение: это не только один из способов физического воплощения бога, но и важнейший символ веры, ведь только действительно верующий человек обладает особой теплотой сердца, так называемой «горячей верой». Однако «огрубевшая плоть служит препятствием к уразумению истины, препятствием на пути к ней является и греховная помраченность ума, тогда как подобное познается подобным, Свет – светом, помраченное же не может вынести сияния Света» [6, 71]. Лирический субъект стремится к огню, к свету, стремится познать бога, однако «блеск пожара» слепит его «слабые очи», и он, пребывая в пространстве мрака, осознает всю невозможность познания высшего начала и приказывает ямщику остановиться: «Стой, ямщик! Ни шагу дале!». Отметим, что в финальной строфе вторая строка, пунктуационно оформленная отточиями, будучи «эквивалентом текста» (Ю.Н. Тынянов), играет роль особого лирического умолчания, «сообщая стихотворению добавочный элемент художественной выразительности» [3, 229]. Данный прием служит выражением отчаяния и скорби лирического субъекта, столкнувшегося с невозможностью осуществить желаемое.

Очевидно, что в своем художественном тексте Ершов реализует типичную для христианского мышления структуру мироздания, основанную на антиномичных категориях «тьма» и «свет», диалектически взаимодействующих друг с другом. «Палы» являются эманацией божественного начала на земле, они противопоставлены ночному пространству – пространству вне бога. Субъект в стихотворении Ершова не выходит за рамки мифологического мировосприятия, рассматривая все происходящее на земле сквозь призму

христианской этики и аксиологии («Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» [Послание к Колоссянам, 3:1-3]).

Библиографический список:

1. Ершов П.П. Конек-Горбунок: Избранные произведения и письма / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В.П. Зверева. – М.: Парад; БИБКОМ, 2005. – 624 с.
2. Зверев В.П. Религиозные мотивы лирики П.П. Ершова [Электронный ресурс]: URL <http://www.portal-slovo.ru/philology/37119.php>
3. Квятковский А.П. Словарь поэтических терминов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 240 с.
4. Комаров С.А. «Конек-Горбунок» П.П. Ершова: место в культуре и культура замысла // Творчество П.П. Ершова: сказка и стих: коллективная моногр. / отв. ред. С.А. Комаров. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2013. – С. 4 – 42.
5. Комаров С.А. Наследие писателя и современный урок (навстречу Петру Ершову) // Комаров С.А., Лагунова О.К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. – С.183 – 189.
6. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. – СПб.: Наука, 2006. – 639 с.
7. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов (1815-1869): Архивные находки и библиографические разыскания. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. – 344 с.
8. Савченкова Т.П. Петр Павлович Ершов и православие (К 190-летию со дня рождения) [Электронный ресурс]: URL <http://www.ihtus.ru/52005/c2.shtml>
9. Сильченко Г.В. Литературное творчество П.П. Ершова: Аспекты поэтики / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ишим, 2012. – 211 с.
10. Утков В.Г. П.П. Ершов // Очерки истории русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т.1. С. 276 – 286.
11. Устинова В.А. Православный контекст темы творчества в поэзии П.П. Ершова // Ершовский сборник. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – Вып. 6. – С. 63 – 70.

Акматов Нурбек Рахматуллаевич
Akmatov Nurbek Rahmatullaevich

канд. филол. наук., и.о.доцент

кафедра начального образования, факультет филологии, педагогики и искусство,
Иссык-Кульский государственный университет имени К.Тыныстанова. Страна Кыргызстан
Иссык-Кульская область, г.Каракол.
Адрес: nurbek_akmatov_76@mail.ru

УДК 413.11.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ В ЭПОСЕ «МАНАС» **THE TOPONUMOS GRAMMAR STRUCTURE OF EPIC «MANAS»**

Аннотация: В статье впервые рассматривается грамматическая структура топонимов в эпосе «Манас». Топонимов в эпосе «Манас» по структуре разделены на две основные модели: простые и сложные. В статье использованы более 1335 топонимов из словарном книге составителя М.Касымгелдиевны)

Ключевые слова и фразы: топоним, термин, антропоним, этноним, эпос, простые топонимы, сложные топонимы, компонент, аппелятив, аффиксальные топонимы, безаффиксальные топонимы, производные топонимы, атрибутив, предикат и.т.

Abstract: for the first time, the article considers the grammatical structure of toponyms in the epic "Manas ". Place names in the epic "Manas" the structure is divided into two main models: simple and complex. The article uses more than 1335 toponyms from the dictionary book compiled by M. Kasymgeldievna)

Key words and phrases: toponym, term, anthroponym, ethnonym, epic, simple toponyms, complex toponyms, component, appellative, affixal toponyms, non- affixal toponyms, derived toponyms, attributive, predicate, etc.

Топонимов в эпосе «Манас» по структуре можно разделить на две основные модели: простые и сложные. Кроме того в топонимии в эпосе используется собственно топонимические форманты (-лыг, -ты, -лы, -луу), исследуемая кыргызскими языковедами [2; 3; 5; 6], а также некоторые словообразовательные аффиксы кыргызского языка. Они будут рассмотрены ниже в составе простых и сложных топонимов, как это было сделано на материале кыргызского языка.

Простые топонимы

Простые топонимы в эпосе образуется из существительных без аффикса и с его участием. Основа – аппелятив в первом случае остается без особенных формальных изменений, лиш прежние значения слова, аппелятива осложняется семантикой топонима. Простые топонимы в эпосе составляет около 65% [4, 5-243]. Простые топонимы делятся на производные и непроизводные.

Непроизводные простые топонимы

Под непроизводными простыми топонимами мы понимаем топонимы, образованные из основы существительного без формальных изменений. Непроизводные простые топонимы образуются из разных по тематике групп слов и терминов: 1) географических и 2) социально-экономических терминов; 3) простых этнонимов; 4) антропонимов; 5) названий животных и растений; 6) геологических терминов.

Рассмотрим каждый из них в отдельности:

1. Географические термины – простые топонимы: *Арал, Жайдак, Жазык, Орток, Өтөк, Өзөн, Саз, Сыр, Сырт, Тасма, Таш, Туз, Мойнок, Чам, Чүй.*

2. Социально-экономические термины – простые топонимы: *Далы, Жүлүн, Кавак, Кайык, Калкан, Кашык, Кебез, Көкүрөк, Киндик, Үкөк, Чөмүч, Эшик.*

3. Этнонимы – простые топонимы: *Булгар, Жуңгар, Күркүрөө, Лама, Лоп, Маймун, Ооган, Сокулук, Япон.*

4. Антропонимы – простые топонимы: *Арсы, Ашай, Бөкөй, Бишкек, Дүбүрө, Кааба, Калкаман, Камил, Кошой, Манас.*

5. Названия животных и растений – простые топонимы:

а) *Аңыр, Бүркүт, Жагалмай, Жекен, Карчыга, Кузгун, Кулжа, Кундуз, Кыраан, Кекилик, Кулун, Кунан, Чыйырчык.*

б) *Жийде, Жылгынды, Долоно, Кодол, Кырчын, Чегедек, Чекилдек, Чечек, Шыбыр, Эрмен.*

6. Геологические термины – простые топонимы: *Бор, Туз, Корум, Кум, Саз, Таш, Шор.*

7. Кроме приведенных топонимов с чистой основой к ним можно отнести некоторые прилагательные, например, *Тар, Туюк, Туз, Ичке, Кызыл.* В составе топонимической лексики немало субстантивированных существительных типа *Айрык, Жайлак, Жылаңач, Чолок, Чуңкур, Тайгак, Кайкы, Кайрак, Какыр, Кашат, Кыр, Өтөк, Такыр, Мойнок, Тегерек, Учук и.т.п..* Эти географические термины обозначают не признаки, свойственные прилагательным, а конкретные географические объекты. Признак является существенным лишь тогда, когда нужно найти слово, обобщающее все однородные признаки при номинации.

Производные (аффиксальные) топонимы

Производные простые топонимы образуются с помощью следующих аффиксов:

-луу (-туу): *Алмалуу, Анарлуу, Аңырлуу, Бөрүлүү, Жийделүү, Кермелүү, Чоңөрүлүү;* -туу: *Бадалдуу, Байкалдуу, Жолборстуу, Бүркүттүү, Туюктуу;* -лы, -ли, -лу, -ды, -ди, -дү, -ты, -ту: *Алматы, Алмалы, Аңырты, Ардалы, Асталы, Ачалы, Аянды, Баянды, Бычылы, Бадалды, Жийдели, Жыбасты, Жыланты, Жылгынды, Чамынды, Чаянды, Чыланды, Чырашты, Борду, Табанды, Табылгыты, Карлы, Кажырты, Кайыңды, Кайысты, Каңды, Кегети, Керемди, Куланды, Күрмөнтү, Моюлду, Шараты, Шаты, Ыранды, Ыргайты;* -чы, -чү: *Тамчы, Үкүрчү, Үрүмчү;* -ык, -ук: *Турук, Шаркырак;* -ыш, -еш, -уш, -иш, -үш: *Муртуш;* -лык, -лук, -лик, -дук, -дүк, -тук: *Ардалык, Ботолук, Бугулук, Булалык, Күрпүлдөк, Оттук, Тизелик, Текелик, Ычкырдык, Ыштык, Эчкилик;* -дак: *Быткылдак, Кумдак, Күрпүлдөк, Таштак, Шакшак, Шарпылдак;* -ма: (варианты *-мө, -ме, иногда -па*) является одним из продуктивных аффиксов в топонимии эпоса, образуя от глагольных основ существительные. Например: *Дүнгүрөмө, Көлмө, Көтөрмө, Эриме;* -ган: *Айган, Канган, Кынган, Чычкан.*

Сложные топонимы

Двух и трехкомпонентные географические имена в топонимии эпоса составляет по данным предварительного подсчета, около 34% [4, 5-243]. Важность изучения их структуры несомненна, так как в них веками сохраняются сложившиеся синтаксические единицы языка. В данной статье освещается структура так называемых сложных топонимов в эпосе “Манас”. Изучение этого вопроса было начато кыргызским основателем топонимики Д.Исаевым [1977] и К.Конкобаевым [1980]. Сложные топонимы по морфологическим признакам делятся на двух, трех компонентные названия.

Главный признак двухкомпонентных топонимов – атрибутивная, т.е. непредикативная синтагма, состоящая из определения и определяемого слова. Нередко в редуцированных глагольных топонимах встречается и предикативная синтагма (в большинстве случаев лишь формально).

Компоненты киргизских двухкомпонентных сложных топонимов представляют собой слова, относящиеся к различным частям речи. И к первому, и ко второму компонентам топонима могут присоединяться различные словообразовательные аффиксы. Двухкомпонентные сложные топонимы можно разделить на 7 морфологических типов [2, 65].

1. Атрибутивная синтагма типа “существительное+существительное”.

По этому типу образуются топонимы двух видов: а) безаффиксальные сложные топонимы, компоненты которых состоят из существительных – первый в роли определяющего, второй определяемого; б) аффиксальные топонимы, т.е. топонимы-словосочетания, оформленные двумя (вторым и третьим) типами тюркского изафета.

Безаффиксальные сложные топонимы (I тип тюркского изафета)

Такие топонимы грамматически оформляются как примыкание, и порядок расположения слов (структура топонима) в них имеет существенное значение [2, 63], так как определенной географический объект, а потому, что он важен для человека в его жизни. Для называния этого объекта человек находил характеризующий его главный признак. Это осуществлялось средствами языка, т.е. географический объект оформляется термином, а главный признак – другими существительными, аппелятивами, характеризующими этот объект.

В эпосе “Манас” в составе безаффиксальных сложных топонимов выделяются некоторые группы признаков определяющего (атрибута, первого компонента), которые указывают на различные семантические особенности географического объекта.

а) первый компонент топонимов - антропонимов, в которых содержится информация о принадлежности географического объекта к определенному лицу, либо какой-нибудь причастности человека к нему: *Бакай-Таш* – “камень Бакай”, *Кошой-Коргон* – “Кладбища Кошой”, *Манас-Ашуу* – “перевал Манас” и т., кроме того, первый компонент топонима указывает на принадлежность племени, народа к географическому объекту: *Көйкөс-Арык*, *Оган-Дабан* – “перевал оган и т.”;

б) первый компонент топонимов указывает на местоположение, начало и т.п. географического объекта: *Бел-Жайлоо*, *Бел-Саз*, *Бешик-Боз*, *Жар-Кыя*, *Жол-Колот* (“лог с дорогой”), *Кыр-Кайың*, *Кыр-Коо*, *Кыраң-Кыр*.

в) атрибут в сложных топонимов указывает на отличительный характер поверхности географического объекта: *Адыр-Төр*, *Боз-Дөбө*, *Кум-Арык*, *Кум-Булак*, *Кум-Талаа*, *Таш-*

Кечүү, Топурак-Бел;

г) атрибут в сложных топонимов указывает на животных и растения в географических объектах: *Аңыртты-Булак, Ат-Ойнок, Ат-Жайлоо, Аюу-Төр, Бото-Мойнок, Карагай-Булак, Каз-Уя, Көгөндү-Кыя, Тай-Өтмөк, Улар-Таш, Улар-Тоо, Эркеч-Там; Долоно-Булак, Талды-Суу, Терек-Бел.*

д) атрибут в сложных топонимов указывает объект названный по аналогии с каким-либо предметом: *Кереге-Таш* (“каменная гряда, похожая на кереге”, деревянную решетку цилиндрической части юрты), *Кетмен-Төбө* (“холм похожая на кетмен”, *Таш-Көпүрө* (каменная мост”), *Таш-Кыя* “каменная дорога”, *Бөйрөк-Тоо* “впадина на склоне горы”.

е) атрибут в сложных топонимах отражает количество аппелятивов: *Миң-Булак, Тогуз-Булак, Тогуз-Торо, Жети-Тоо, Үч-Салаа, Үч-Алматы, Үч-Арал, Үч-Арт, Үч-Башат, Үч-Булак, Үч-Жыгач, Үч-Жыргааң, Үч-Корумду, Үч-Капкак, Үч-Кошой, Үч-Суу, Үч-Таш, Үч-Турпан, Үч-Дөбө, Эгиз-Төр, Беш-бугу, Беш-Күнгөй, Беш-Таш, Беш-Терек, Алты-Өзөн, Алты-Суу, Алты-Шаар, Эки-Кемин, Эки-Чат и.т.;*

ж) атрибут сложных топонимах информирует об общественно-социальных и других явлениях в жизни населения: *Мазар-Сай* (“священное место в речной долине”), *Бай-Төр, Кара-Шаар, Кырк Чилтен, Теңир-Ноор, Шейиттин бели и.т.;*

з) качественное определение: *Бал-Камыш, Бактуу-Куурай, Бал-Токой, Жайдак-Тоо, Кара-Суу, Кашка-Суу.*

й) определение означает ориентир, или стороны: *Бел-Жайлоо, Бел-Өтөк, Бел-Саз, Чет-Каркыра.*

Аффиксальные топонимы

1. По типу существительное+существительное аффиксальные сложные топонимы в зависимости от присоединения ко второму и первому компонентам (соответственно аффикс принадлежности – *ы* и родительского падежа –*нын*) делятся на две группы. Иначе, это топонимы-словосочетания 2 и 3 типов кыргызского изафета.

а) топонимы-словосочетания II типа тюркского изафета. Особенности таких топонимов является выпадения аффикса родительного падежа –*нын* в первом компоненте. Примеры: *Оро-Башы* – “начало ямы”, *Огуз-Башы* (“начало реки), *Кочкор-Башы* (“начало долины”) *Ала-Баш тоосу* – “гора Ала-Баша”, *Анжиян тоосу* – “гора Анжияна”, *Аюу сайы* – “русло медведя”, *Манас ташы* – “камен Манаса”, *Манас көлү* – “озеро Манаса”, *Манас дарыясы* - “река Манаса” и.т.;

б) топонимы-словосочетания III типа тюркского (кыргызского) изафета. Грамматические показатели –*нын* и –*ы* сохраняются, в отличие от изложенных типов сложных топонимов: *Ботонун сазы* – “Болота Бото”, *Кайнардын Кара-Суусу* – *Черная река Кайнара*, *Кайыңдынын Алты-Суу* (“шесть река Кайыңды”, *Кайыпчынын Кара-Тоосу* – “Черная гора Кайыпчи”, *Каныкейдин үңкүрү* – “пещера Каныкея”, *Кара-Камандын суусу* (“река Кара-Камана”), *Каркыранын сазы* (“Болота Каркары”, *Ала-Баштын суусу* (“река Ала-Баша”), *Ит-Кечпестин Кара-Суусу* – “Черная река Ит-Кечпеса”, *Кошойдун Кара-Тоосу* – “Черная гора Кошой”, *Мамырдын Кара-Сазы* – “черная болота Мамыра”, *Шейиттин бели* (“перевал Шейита”) и.т.;

Обе группы аффиксальных сложных топонимов довольно часто встречаются в топонимии кыргызского языка, особенно много их в составе микротопонимии.

1. Атрибутивная синтагма типа «прилагательное+существительное». Топонимы такого типа наиболее распространены в эпосе «Манас».

По участию аффикса в топонимобразовании они делятся на безаффиксальные и аффиксальные сложные топонимы.

Безаффиксальные сложные топонимы

Атрибут сложных топонимах указывает на различные качества (цвет, размер и т.п.): Ак-Талаа – («белая степ, поле»), Ак-Эрмен («белый эрмен»), Кара-Көл – («черное озеро»), Кара-Деңиз – («черное море»), Кызыл-Суу – («красная река»), Кызыл-Омпол – («красная громадная гора»), Көөнө-Турпан (эски шаар, калаа – «старый город»), Көк-Жаңгак, Сары-Арка, Сары-Жаз («широкая равнина, простор»), Сары-Өзөн («оранжевая река»), Чоң-Кулжа – («большой горный баран»), Чук-Терек «много топол».

Аффиксальные сложные топонимы

Атрибут в таких топонимах является производным. Аффиксы *-лыг, -луу, -ды* участвуют прилагательные от имен существительных. Сюда можно отнести следующие топонимы: *Аңыртты-Булак* (родник *Аңыртты*, *Баянды-Суу* (“река *Баянды*”), *Борду-Тоо* – (“гора *Борду*”), *Желди-Суу* – (“река *Желди*”), *Канды-Тоо* – (“гора *Канды*”), *Корумду тоосу* (“гора *Корумду*”), *Көгөндү-Кыя* – ““дорога *Көгөндү*”), *Куланды-Суусу* – (“река *Куланды*”, *Маралды-Булак* – (“родник *Марала*”);

Атрибут-прилагательное в сложных топонимах указывает на различные качества, особенности географического объекта: 1) цвет *Кара-Таш* (“черный камень”), *Кара-Булак* (“черный родник”), *Карагоо* (черная впадина), *Кара-Суу* (“черная река”);

2) форму, облик: *Ача-Таш*, *Ийри-Өтөк* (“кривая впадина”), *Жалпак-Жон*, *Тегерек-Саз* (“круглая болота”), *Жайдак-Төр*, *Жырык-Өтөк*, *Тешик-Таш*, *Ийри-Суу* (“кривая река”);

3) длину, ширину, высоту и т. *Кең-Кол* (“широкая река”), *Чоң-Анжиян* (“Большой Анжиян”), *Чоң-Камыш* (Большой камышь”), *Чук-Терек*, *Эгиз-Төр*, *Кичи-Айрык*;

4) качества (*Жаман-Карагай* – “плохой лес”), *Жылаңач-Жайлоо* – “голая летнее пастбище”, *Кургак-Жылга* (“сухая балка, ложе ручья”), *Сасык-Булак* – “вонючий родник”, *Ат-Жайлоо* – “лошадина пастбище”, *Кой-Жайлоо* – “баранья пастбище”, *Бай-Төр* – “богатая высокогорное пастбище”, *Кашка-Суу* – “прозрачная, чистая вода”;

5) наличие чего нибудь (*Суулу-Айрык* – “водянная горная ложбина, место слияния двух горных рек”), *Талды-Суу* – “тальниковая вода, река”, *Бүргөндү-Суу* – (“река *Бүргөндү*”).

3. Атрибутивная синтагма типа “прилагательное+прилагательное”. Такие топонимы появились в результате эллиптирования последнего компонента. К ним относятся номинации верхней или нижней, большой или малой и т.п. частей географических объектов от определенного объекта: *Чоң-Кайкаң*, *Чоң-Камыш*.

4. Атрибутивная синтагма типа числительное+существительное”. Сложных топонимах в качестве атрибута используются определенные числительные: *үч* – “три”, “много”, *беш* – “пять”, “много”, *бир* – “один”, *кош*, *эгиз* “два, или много”, *жети* – “семь, или много”, *тогуз* – “девять”, “много”, *отуз* – “тридцать”, “много”, *кырк* – “сорок”, “много”, *сан* – “несчетный”, *миң* – “тысяча”, “много”. Примеры: *Үч-Күнгөй*, *Үч-Дөбө* – “три”, “много”, *Беш-Терек*, *Беш-Үңкүр*, *Беш-Бугу*, *Беш-Терек*, *Беш-Таш* – “пять, много”, *Тогуз-Булак* – “девять”, “много”, *Он-Арча* (“десять”), *Эгиз-Төр* – “два или много”, *Миң-Булак* – “тысяча”, “много”.

5. Предикативная синтагма. Топонимии встречаются два типа предикативной

синтагмы: “существительное+причастие” и причастие+существительное”. Этот тип сложных глагольных топонимов в зависимости от формы причастия делится на четыре группы. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

а) причастия прошедшего-настоящего времени с аффиксом *-ган* (*-ген*, *-кан*). Причастие на *-ган* как в киргизском, так и во многих тюркских языках означает действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, свойство, проявляющееся вне строго определенного времени. В топонимии эпоса он ничем не отличается. Например: *Эчки-Такалаган*;

б) Причастия настояще-будущего времени с аффиксом *-ар*. Аффикс причастия *-ар*, присоединившись к глагольным основам, как в киргизском языке. Например: *Күрөң-Коюр*.

в) причастия настояще-будущего времени в отрицательной форме. В составе некоторых топонимов встречается причастие на *-бес* (от отрицательной формы причастия *-бас*). Например: *Ит-Өлбөс*, *Тек-Турбас*, *Эчки-Өлбөс*, *Барса-Келбес*;

г) глаголы прошедшего определенного времени изъявительного наклонения. Топонимы этой группы образуются с помощью аффикса *-ды* (варианты *-ды*, *-дү*, *-ди*, *-ту*): этот аффикс встречается только в сложных топонимах и означает законченное в прошлом действие: *Ит-Өлчү*, *Бычак-Салды* и т.д.

д) предикативная синтагма типа «наречие+существительное». Сюда относятся следующие топонимы на *-ган*: *Бузулган-Чамбыл*, и др.

Трехкомпонентные сложные топонимы

Трехкомпонентных сложных топонимов в эпосе около 2% [4, 5-243], намного меньше, чем двухкомпонентных.

Основными их особенностями являются определенные синтаксические признаки. В первую очередь следует отметить, что по структуре они делятся на две части: определяющее и определяемое, т.е. представляют собой тип атрибутивной синтагмы, как в двухкомпонентных топонимах. Но здесь вторую, определяемую часть составляет двухкомпонентный топоним, выступающий как неделимая синтаксическая единица, тогда как первая часть выполняет функцию определяющего. Например, *Кичи-Сай-Суу*: *кичи* – определяющее, *сай суу* – определяемое. Другую группу трехкомпонентных топонимов, напротив, составляют географические имена, первая часть которых состоит из двухкомпонентных топонимов, выступающих в роли определяющего, в то время как определяемая часть состоит из одного слова; например, *Көгүчкөн-Уя-Тоо*: *Көгүчкөн-Уя* – определяющее, *тоо* – определяемое. Кроме того, в трехкомпонентных топонимах встречаются топонимы III типа тюркского изафета, например, *Кайыңдынын Алты-Суу*, *Эгизектин Кара-Саз*.

Проиллюстрируем вышесказанное на материале топонимов эпоса: *Жүйүрмөнүн Кара-Саз*, *Жүгүрүктүн Жүгөн-Таш*, *Жылаңач-Бугу-Тоо*, *Керменин Кара-Бели*, *Кайыпчынын Кара-Үңкүр* и т.д.

Библиографический список:

1. Акматов Н.Р. Ысык-Көл топонимиясы: моногр. – Каракол, 2009. – 244 с.
2. Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры. – Фрунзе: Мектеп, 1977. – 152 б.
3. Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1980. – 172 с.
4. “Манас” эпосундагы топонимдер. / Түзгөн: М.Касымгелдиева. – Бишкек, 2009. – 248с.
5. Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке. – Ф., 1964. 311с.

6.Тенишев Е. Древнекыргызский язык. – Бишкек, 1997. -56 с.

7. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 973 с.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1159

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»

Кемерово 2016